

Инна Баринская

Детектив
сильных
страстей

Девушка сбитого летчика

Детективный триумвират

Инна Бачинская

Девушка сбитого летчика

«ЭКСМО»

2014

Бачинская И. Ю.

Девушка сбитого летчика / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2014 — (Детективный триумвират)

В детстве Анну воспитывала гувернантка Амалия Биллер, и она с содроганием вспоминала свою суровую наставницу. Анну до сих пор мучили кошмары – Амалия являлась к ней в образе белой крысы. Тот факт, что гувернантки давно нет в живых, ничего не менял... Своей семьи у Амалии не было, лишь племянница Эвелина и ее сын Николенька. Тридцать лет назад они переехали в Ригу, с тех пор о них никто ничего не слышал. И вот к пожилым тетушкам Анны, с которыми в свое время дружила Амалия, неожиданно явился красавец-летчик Николай Биллер. Он начал напропалую ухаживать за Анной... После веселой прогулки и последовавшей за ней вечеринки Аня и ее подруга Бася едва проснулись. Похоже, новоявленный ухажер угостил их вином со снотворным и утащил у Анны ключи от ее квартиры! Девушки поехали к Ане домой, надеясь получить объяснения. Биллер действительно оказался там, но уже никому ничего не мог объяснить...

© Бачинская И. Ю., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Инна Бачинская

Девушка сбитого летчика

© Бачинская И.Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Мой добрый рыцарь на коне,
Явился ты ко мне во сне...
Немало лет с тех пор прошло —
И вновь предстал ты, как в кино.
Ты вновь со мной заговорил
И поцелуй мне подарил...*

**Кира Шипулина,
Интернет, Детские Стихи. ру**

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор

Глава 1

Праздник города

Сутра выкатилось солнце – по-летнему яркое заголубело небо и налетели легкие пушистые облачка. Повезло! Всю последнюю неделю шел дождь, а тут вдруг – такая красота! И не скажешь, что октябрь. Город приободрился, на улицах забегали радостные горожане. На площади соорудили трибуну, будет выступать мэр. Потом – выставка цветов, потом – концерт, артисты из столицы, потом – местная самодеятельность, потом – народное гулянье. Новая музыкальная программа для танцующего фонтана, открытые площадки для танцев, аппаратура для караоке. Прилавки с нехитрыми бутербродами, пивом и орешками, плюшками, соками и кофе. Уличные кафе. Атракционы с кувалдой и столбом, забег на звание чемпиона, соревнования лучников. Под занавес – фейерверк! Гуляй, народ!

Музыка из громкоговорителей и ансамбли – рок, народные, детские, причем все сразу. Песни и пляски добровольцев из толпы. Хор пенсионеров. Призы!

Стемнело рано, и в городе вспыхнула иллюминация. Включился танцующий разноцветный фонтан – красная подсветка сменяется синей, синяя – желтой, желтая – фиолетовой, и опять, и снова в том же порядке. Под Первый концерт Чайковского, аргентинское танго, отрывки из мюзиклов Уэббера, попсу. На все вкусы.

Около одиннадцати загрохотала канонада петард, взметнулись разноцветные звезды фейерверков, рассыпались искрами, невиданными цветами, шарами и узнаваемыми очертаниями созвездий. Радостные вопли встречали каждую новую вспышку огней.

Человек в темной куртке неторопливо свернул во двор, остановился в темной арке. Постоял там, внимательно рассматривая двор. Горели тусклые фонари над тремя подъездами. Почти все окна были темными, светилось лишь несколько. Окна нужной ему квартиры были темны.

Убедившись, что вокруг пусто, человек, все так же не торопясь, пересек двор и вошел в подъезд. Поднялся на третий этаж. Постоял у одной из дверей, прислушиваясь. Из квартиры не доносилось ни звука. Он достал ключи и стал осторожно пробовать один за другим. Подошел третий. Он вошел. В квартире было темно. Он бесшумно затворил за собой дверь и постоял немного, привыкая к темноте. Включил фонарик и пошел по коридору к белеющей двери в комнату, доставая из кармана пистолет.

Он вошел в спальню, которая была слабо освещена светом извне, рассмотрел на кровати силуэт спящего человека. Поднял руку с пистолетом и выстрелил, целясь в голову спящего. Выстрел прозвучал негромко из-за глушителя – всего-навсего слабое «шпок». Человек на кровати не издал ни звука и не шевельнулся. Он умер мгновенно.

Убийца подошел к окну и задернул штору, после чего включил свет. Не глядя на тело на кровати, обвел внимательным взглядом комнату. Вышел в коридор, прошел в другую комнату, нащарил выключатель. Подошел к рабочему столу, наклонился, чтобы рассмотреть предметы, лежавшие там. Затем взял тяжелое мраморное пресс-папье и принялся крушить их...

Минут через пять он вышел в прихожую, прислушался. Взгляд его упал на собственное отражение в старинном облезшем трюмо – угрюмое сосредоточенное лицо, черная вязаная шапочка до бровей; в глаза ему бросились собственные руки в черных перчатках и оттопыренная слева куртка. Он рассматривал себя секунду-другую, одновременно чутко прислушиваясь к звукам на лестничной площадке. По ступенькам, громко разговаривая и смеясь, поднимались люди. Лестничное эхо подхватывало звуки голосов и уносило вверх.

Человек дождался тишины и открыл дверь. Едва слышный щелчок замка показался ему оглушительным, и он повел плечом.

Он спускался вниз по лестнице все так же не торопясь, тяжело ступая, опираясь рукой на перила. У выхода из подъезда стояла пара молодых людей – парень и девушка. Человек пошатнулся и задел парня плечом. Тот произнес сквозь зубы: «Пьяный козел!» Девушка хихикнула.

Человек вывалился из подъезда и, все так же не торопясь, побрел из двора под арку, оттуда – в гомонящий, полный света город через поредевшую уже праздничную толпу, радостные возгласы и смех...

Глава 2

Гость из прошлого

Телефон звенел настырно и призывно. Величественная дама, вкушавшая завтрак в обществе другой дамы – попроще, с любопытным детским лицом, – недовольно взглянула на старинные часы в углу гостиной и перевела взгляд на товарку. Та пожала плечами. Величественная дама отложила тост с маслом и поднялась.

– Я вас слушаю! – Голос был ей под стать – холодный и начальственный. – Кто? Как вы сказали? Николас Биллер? Николас? Николенька? – Дама ахнула и закричала, что было на нее совершенно не похоже: – Леля, это Николенька Биллер!

Теперь, в свою очередь, ахнула вторая... дамой назвать ее не повернулся бы язык – та, что с лицом попроще. Но мы уже знаем, как ее зовут – Леля. Так вот, теперь ахнула Леля. Не только ахнула, но и вскочила с места, схватилась руками за голову, снова упала в кресло – словом, проявила все признаки необычайного волнения и радости и закричала:

– Аичка, не может быть! Неужели Николенька? Малыш Николенька? Господи, это сколько же времени прошло! Откуда?

– На несколько дней, ностальгия, говорит, замучала. Из Риги. Николенька, ты один или с семьей?

– Где он остановился? – прокричала Леля. – Никаких гостиниц! Только у нас!

– Николенька, прошу к нам! Никаких гостиниц! Лелечка здорова, слава богу. Леля, успокойся! Разумеется, к нам. Хорошо, мой мальчик, мы тебя ждем. Адрес помнишь? Тут понастроили всего, не узнаешь. Космонавтов десять, код двенадцать – семьдесят девять, квартира семь. Ждем.

Та, кого называли Аичкой, вернулась за стол. Она была взволнована, что случилось с ней крайне редко, так как она великолепно владела собой. Вторая, Леля, наоборот, бурно дышала, приложив руку к сердцу, хватала воздух широко раскрытым ртом, и на щеках ее рдел багровый румянец. Некоторое время они молча смотрели друг на друга...

Аида Дмитриевна и Елена Дмитриевна были сестрами-близнецами, но Аида – Аичка – всегда производила впечатление старшей. Сейчас им около... О дамском возрасте говорить не принято, но мы тихонечко, по секрету – сестрам около восьмидесяти. Аида – крупная, строгая, лидер – всю жизнь проработала директором ателье индпошива, что по старым временам являлось должностью почти номенклатурной, денежной и блатной. Да и сейчас она все еще шьет избранным клиенткам, которые никак не привыкнули к современной моде. Она – женщина с устоями: гимнастика, диета, массажный кабинет, прогулки по пять км ежедневно, и вдовствует уже лет тридцать. В отличие от Аиды Леля была рыхлой, добродушной и заполошной разгильдяйкой. Если бы не сестра, она шлялась бы денно и ночно в затрапезном халате и питалась исключительно картофельными чипсами с перчиком, мороженым в шоколаде и пять раз на дню баловала бы себя крепким кофечком со сливками и тремя ложечками сахара вместо полезной овсянки или ржанных хлопьев с обезжиренным молоком. Замужем Леля не была, не посчастливилось найти того единственного, который... Не сложилось, короче. Была она по профессии воспитательницей детского сада, а потому склонность к сюсюканью и уменьшительным названиям и именам, готовность немедленно броситься на помощь и утешить, пожалеть и приголубить вошла ей в кровь, несмотря на воспитательные выволочки от Аички, которая требует от сестры дисциплины, подтянутости и невмешательства в дела окружающих.

Пятнадцать лет назад сестры съехались – Леля продала свою однокомнатную квартиру в пригороде и переселилась в сестрину четырехкомнатную в центре. Аичка с удовольствием командует, Леля подчиняется, пропуская половину сестриных наставлений мимо ушей. И обе

довольны – любят друг дружку, часто вспоминают былое, ходят в театр и принимают гостей – таких же приличных, в возрасте, дам и кавалеров.

– Николенька! – вскричала Леля. – Просто не верится! Последний раз... когда же?

– Ровно тридцать лет назад, летом, перед отъездом в Ригу. Эвелина пришла попрощаться, ему тогда было... шесть?

– Хорошенький был, как ангелочек!

– Да, воспитанный мальчик из хорошей семьи. Эвелина умница, не колебалась ни минуты. Я ей тогда так и сказала: «Эва, не думай ни минуты. Езжай, а то уведут!» – сказала Аида.

– Ей сказочно повезло! Моряк, потомственный рижанин, все-таки их культура... никакого сравнения, – лепетала Леля, прижав к горящим щекам ладошки.

– Повезло. И ей, и Николеньке. Он сказал – Биллер, значит, оставил свою фамилию. Николенька Биллер.

– Помню, как он важно представлялся: Николенька Биллер. – Леля всхлипнула. – А сам крохотный, беленький, и галстук-бабочка! Помнишь, мы назвали его «наш маленький немчик», а Амалия им страшно гордилась!

– Бедная Амалия! – Аида покачала головой.

– Почему она не уехала с ними?

– Эва ее не очень жаловала. Ты же знаешь, у Амалии был характер и устои, а Эва была несколько легкомысленна.

– Она была такая красивая... и веселая!

– Да уж, веселая... – неодобрительно произнесла Аичка. – Помнишь, Амалия приносила показать фотографии и письма, а потом Эва перестала писать, и она страшно переживала, но виду не подавала и отодвинула от себя всех знакомых. Амалия была сильным, достойным человеком. Достоинейшим. Судьба была к ней очень несправедлива. Всю свою жизнь она любила Игоря, а он... – Аида махнула рукой.

– Да, любила, но, согласись, Аичка, Игорек был счастлив с Никочкой, и Анечка у них такая славная девочка. Николенька! Вот бы Амалия порадовалась! – Тут Леля окончательно расплакалась. – Надо же, Николенька! Не забыл!

– Счастлив с Никочкой... – проворчала Аичка как бы про себя. – Не забыл! Назвал меня тетя Ая, а тебя тетя Леля. Голос приятный, сразу видно, что человек воспитанный, прекрасная речь, и акцент чувствуется... чуть-чуть. Я пригласила его на обед. Остановится он, разумеется, у нас. Нужно проветрить гостевую комнату и приготовить постель. Ох! Еще начистить столовое серебро и пересмотреть скатерти!

– Купить вина и водки!

– Коньяка! – поправила сестру Аичка.

– Ладно, коньяка. И продукты! Копченое мясо, рыбу и свежий кофе! Кофе обязательно. И хороший чай.

– Кофе? – неодобрительно удивилась Аичка.

– Аичка, я уверена, мальчик привык пить кофе... у них в Риге все пьют кофе! Как сейчас помню, – она мечтательно прищурилась, словно всматриваясь в далекое прошлое, – идешь по узкой кривой улочке в булыжниках... помнишь? Они еще называются кошачьи лбы, – и отовсюду божественный запах кофе! Помнишь? Кофе просто необходим! И слоеные рогалики с повидлом!

– Маленькую коробочку, – сдалась Аичка. – Если уж так необходимо. Но имей в виду, ты пить не будешь.

– Ну... да, ладно, – Лелечка, скосив глаза на сестру и убедившись, что та на нее не смотрит, скорчила гримаску. – И еще нужно позвонить Анечке, непременно! Пусть тоже приходит.

– Да, пожалуй. Хотя не думаю, что она его помнит. Ей было всего три-четыре...

– Ну как же, Аичка, – заволновалась Лелечка, – она должна его помнить! Дети помнят начиная с года. Конечно, помнит!

Взволнованная Лелечка и величественная Аичка, наперебой предаваясь воспоминаниям, составляли список продуктов, доставали свежее постельное белье, выбирали самую красивую скатерть и выставляли из серванта парадный сервиз на сорок восемь персон.

Глава 3

Белая крыса

*Взраживает огонек лампадки,
В полутёмной детской тихо, жутко,
В кружевной и розовой кровати
Притаилась робкая малютка.
Что там? Будто кашель домового?
Там живёт он, маленький и лысый...
Горе! Из-за шкафа платяного
Медленно выходит злая крыса.*

Николай Гумилев. Крыса

...Белая крыса с красными глазами. Белая крыса с раскосыми красными глазами и длинной осмысленной мордой. Женщина. Интеллектуалка. Сидит на полу, руки сложены на груди. Голый хвост вьется змейкой. Противный, розовый. Смотрит. Выражение на морде внимательно-снисходительное – похоже, жалеет. Даже она. Напоминает отцову подругу детства Амалию. Незамужнюю. А может, это и есть она – Амалия?! В виде крысы. В новом формате. Ее аватара.

...Амалия любила сидеть молча, глядя в книгу, в телевизор, в окно, – особенно когда падал снег. Острое лицо на фоне летящего снега, черно-белых деревьев, узкие острые глаза – типаж Модильяни, что я осознала уже потом, хотя снега он не рисовал. Кажется. И на меня: молча, долго, с отвращением. А я стою красная, потная, с разбитой зеленой коленкой и грязными руками. Нечесаная, пятилетняя, ленивая, в осознании собственных ничтожности и подлости – таскала из духовки жареные орехи, приготовленные для пирога. Пирог – это святое. Рождественский. И вообще!

Она сидела, я стояла. Еретик перед великим инквизитором. Мой грех, mea culpa¹. До такой степени, что никакой надежды на снисхождение и помилование. Парализованная. В ступоре. Отказавшаяся от последнего слова перед аутодафе², что вызывает еще большее презрение.

Она молчала. Она умела красноречиво молчать. О, как она молчала! Мороз по коже.

И пирог с нарушением технологии в связи с сожранными орехами на совести. Все время что-нибудь на совести. Перманентная тяжесть на маленькой бессовестной совести. Руки-крюки, не способные к рукоделию, отсутствие музыкального слуха, дурная память на английские слова и выражения, а математика – вообще ужас. Дважды два – три. Или шесть. И скверная привычка малевать на любом клочке, даже на туалетной бумаге во время отсидок *там*. Тоже вредная привычка. Любимое место, где тебя оставляют в покое. Хотя бы ненадолго. Всякие рожи, принцессы и монстры.

Опять-таки рождественские орехи на совести...

Уходи. Пожалуйста, уходи, Белая крыса! И вообще, тебя на самом деле нет. Не существует. Только в моем имбецильном воображении. В воображении иллюстратора детских книжек – ежики, собачки, нестрашные монстрики. Зверушки для самых маленьких, еще до черепах-ниндзя и мордобоя.

¹ Mea culpa (лат.) – моя вина.

² Аутодафе – сожжение еретиков инквизицией, в основном в XIV–XVI вв.

Вымирающая разновидность мазил... Звали писать лики, хорошо платят. По знакомству – конкуренция, однако. Наверное, пойду, хотя стыдно. Старые мастера верили, им не было стыдно. Но деньги, говорят, не пахнут... Хотя все-таки стыдно.

Рев отбойного молотка. За стеной ремонт. Ребенок сверху играет на флейте. Пятница. За окном мутный рассвет. Декабрь. Самое начало. Дождь, дождь, дождь. До конца далеко. А где... *она*? Ее нет, на полу пусто. Никто не сидит, сложив лапы на груди, скрутив хвост колечком. Никто не смотрит с сожалением. Одна.

Снова и снова повторяющаяся мелодия, ступеньки гаммы, туда-сюда. Маленький мученик. Я знаю его, он похож на ангела – нежного хрупкого синеглазого ангела. Интересно, как он относится к своей флейте?

...Свое фортепиано я ненавидела.

И что самое интересное – я была нужна ей! Маленькая ничтожная хлипкая лодочка в житейском море – этому крейсеру. Для самоутверждения, смысла, заполнения пустот. Я – ей. Родители заняты карьерой. Нас двое. Ровный голос, твердые холодные пальцы, долгие паузы. Холодные свистящие перья за спиной – торчком из острых лопаток.

У нас был пес, курцхаар по имени Ральф. Умница, добряк, не переносивший лишь одного человека – почтальона. Если сказать ему просто так, не поймав ни на чем предосудительном: «Ай-ай-ай, Ральф плохая собака, нехорошая, фу!», он краснел, прятал глаза, опускал уши и сгорал со стыда. У него на совести тоже была перманентная тяжесть – на всякий случай, генетическая начинка такая. В семье нас было двое.

Ральфа застрелили на охоте. Случайно, подвыпивший охотник. Ральф кричал, а потом скулил, пока не умер. Она рассказала мне. Я не поверила; он же не утка, как это? За что? Добряк Ральф, друг детства, не любивший почтальона. Умер. Первая смерть в моей жизни. Мама сказала, он остался в деревне, там ему лучше, а *она* сказала – умер. По голове дала. Нет больше. Просто нет. Нигде. Правда, одна правда и ничего, кроме правды. Детям нужно говорить правду! Такой педагогический прием. Голая правда, как ушат ледяной воды. Уж лучше бы одетая...

Я уже большая. Я тебя не боюсь, Белая крыса. Пожалуйста, уходи! Сколько можно!

Звонок телефона. Барбара, Варвара Ивановна, моя приятельница. Свободный художник, сценарист-надомник. Сценарист Барбара Шулика, в титрах маленькими буковками. Можно Бася. С флером как бы Запада, ненашинским душком. Да и фамилия... Шулика! Тоже! Украинско-польская. Шулика – птица вроде ястреба с длинными крыльями и слабыми лапами, как объясняет Википедия. У Баськи, наоборот, ноги сильные, как у страуса, и нормальные средней длины руки, довольно цепкие.

– Баська! – кричу. – Мне опять снилась Белая крыса!

– К дождю, – говорит она бесцветно. – Может, повеситься?

– Белая крыса к дождю?

– Все к дождю, вся жизнь к дождю. Лед тает, дыры растут, вот и цунами... тоже. Не сегодня завтра смоем к чертовой матери в Мировой океан. И очередной конец света на подходе. Может, все-таки повеситься?

– Мне снилась Белая крыса, похожая на Амалию, представляешь?

– А мне никогда ничего не снится.

– Мне тоже. А тут вдруг Амалия, представляешь?

– Разве она похожа на крысу?

Я задумываюсь: «Нет. Совсем не похожа. Или все-таки похожа?»

...Амалия... Она была высокой. Тощей. С прямой спиной. С сильными холодными красными пальцами. С жидкими полуседыми волосами, гладко зачесанными и собранными в узел на затылке. С громким потрескивающим голосом. Непреклонным. Жестким. Холодным. Ровным. Великий инквизитор. Настолько без греха, что ни у кого не поднялась бы рука с камнем.

Ее активное неприятие моей матери и восторженное отношение к моему отцу в сумме давали надежду на любовь ко мне. Маленькую, слабенькую, хилую, но любовь. Приязнь. Симпатию. Не могу представить себе ее врага в моем лице. В конце концов, это было бы просто неприлично...

– У тебя заниженная самооценка, – говорит Баська тоном опытного психоаналитика. – Нужна медитация на прощение.

– Я ее давно простила. Я о ней даже не думаю.

Вранье! Думаю. А еще она мне снится. Я снова стою, она сидит. Смотрит на меня. Безмолвна, вся упрек и сожаление. Я стою. Она сидит. Белое безмолвие. Арктический лед. Холодные красные руки. Жесткие, как жезл, пальцы. *Жесткие*, как *жесть*, – каков образ!

Стою и покорно жду под прицельным *жестким* взглядом.

Неужели она наслаждалась? Упивалась властью? Она – такая величественная, и я – такая ничтожная... Не верю. Не много чести – внушать ужас пятилетней сопливке. Не верю! Чего-то я недопоминаю и недопонимаю. Восприятие исказилось с течением времени. Ее давно нет. Она живет лишь в моих воспоминаниях и снах. В каком-то смысле я – памятник ее нерукотворный. Нерукотворный – да. Психотворный, интеллектуальнотворный, нейролингвзапрограммированнотворный. Вот!

С Диккенсом и Теккереем познакомила меня она. Спасибо. И с «Леди Гамильтон», где кумир – Лоуренс Оливье.

Англоманка, черт побери. Дэм ю!³

Хватит!

– И самое главное, – говорю я Баське, – я не пыталась протестовать и никогда не жаловалась. Я приняла ее безоговорочно и согласилась, что я... такая. И в пять, и в девять. Это меня больше всего... понимаешь? Как на заклятие, без звука, покорно...

Не могу больше!

– Сделаем медитацию, – говорит Баська. – Тринадцать минут. Простишь ее ипустишь. И сразу полетишь. Ты сегодня на службе?

– Не-а, отгул. Куда?

– Что – куда?

– Куда полечу?

– Никуда. В принципе. В том смысле, полегчает. Хочешь сегодня?

– Хочу. Сегодня. Во сколько?

– Ну, умоюсь – и к тебе. Пожрать есть?

– Есть.

– Бегу.

Через час ее все еще не было. Через два она позвонила и сказала, что пришла Оля. Олянда-веранда. Я не удержалась, хихикнула, хотя была разочарована.

– Ага, хорошо тебе, – прошептала Бася. – А хочешь, мы вместе придем? – спросила она с надеждой.

– Нет! – вскрикнула я. – Не надо!

– А еще подруга! – В голосе ее была укоризна. – Тогда не знаю... Может, вечером?

– Если получится. Ты, главное, расслабься. – Я снова хихикнула. – И думай о приятном.

– Иди к черту! – буркнула она обиженно и отключилась.

³ Damn you! (англ.) – Черт бы тебя побрал!

Оля, Олянда, она же Ольгица, – наша старинная подруга, одноклассница и третий член неразлучного школьного триумвиата. О эта женщина! О шея лебедя, о ланьи очи... что там еще? Все при ней – и шея лебедя, и глаза лани, и талия пиковой дамы. Прекрасные волосы. Запредельная отмытость, ухоженность, подобранность в смысле колеров и аксессуаров. Под стекло – и в музей. Главное, чтобы отгородить стеклом и чтобы неподвижно и молча. Тогда – да. Молча!

Театр одного актера. Ток-шоу. Я вижу, как Баська сидит на диване, судорожно вцепившись в гобеленовую подушку с лапчочкой-пойнтером на фоне приятной глазу неяркой английской зелени и, давась, заталкивает внутрь зевки. А Ольгица подробно, с деталями, со вкусом, с паузами в наиболее драматических местах, поминутно смеясь, прикрываясь ладошкой, повторяя прикольные моменты по пять раз, размахивая длинными белыми кистями, *рассказывает*.

Она рассказывает, как пересолила суп. Масса сопутствующих деталей: где стояла солонка, почему так случилось, что было в супе – морковка, конечно, я всегда кладу морковку: режу мелко, иногда на крупной терке, но можно и целиком; картошка, непременно соломкой, берешь, нарезаешь на две половины, потом еще и еще, а потом мелкими тонкими дольками и бросаешь, когда закипит. Волик (муж) взял, попробовал и говорит – драматическая пауза, – ты что, мать, влюбилась? А я ничего не понимаю, смотрю на него, а он на полном серьезе! Олечка довольно хохочет, закрываясь ладошкой. Влюбилась, говорит, мать! Признавайся, в кого! А я все не врублюсь! Представляешь? Довольный хохот.

Баська бледно улыбается и кивает, что представляет. Взгляд – стеклянный.

Потом Ольгица рассказывает, что была у гинеколога. Ничего страшного, просто запланированный осмотр. Масса пикантных деталей. Заодно – история всех недугов, страданий, осмотров, удалений зубов, имевших место в жизни. Ощущения, страхи, некомпетентность лечащего персонала, заодно – история болезней коллег по палате. А гинеколог сказал, что я прямо девочка. Радостный, притворно смущенный смех и прикрывающая ладошка.

И так далее и тому подобное. До бесконечности. Про соседа по даче, который подглядывает, когда она загорает топлесс. А его жена злится. Как один мужчина на улице сказал «жар-птица» и *так* посмотрел! А другой сосед пришел за утюгом, она открыла, в клубничной маске, в шикарном атласном кимоно – красные пионы на черном – Волик из Японии привез, четыреста долларов, а он смотрит и молчит – совсем обалдел и про утюг забыл. Смотрит и молчит. Он давно уже косяки кидает. Холостяк, банкир, спортсмен. Зовут Алексей. Когда они в лифте вдвоем, наедине – глаз поднять не смеет, краснеет, как мальчик. А плечи – во! А машина! Закатывание глаз, драматическая пауза, восторженные взмахи длинных кистей.

Бедная Баська! Тихо звереет, прижимая к себе пойнтера на фоне английской растительности. Таращит глаза, чтобы не упасть в обморок. Мне жалко Баську, но в глубине души я хихикаю, представляя себе картинку – ну не дрянь?

Не могу понять, в чем дело. Мы треплемся о том же – никаких высоколобостей: болячки, соседи, отношения с *ними*, косяки разных козлов – и ничего! Интересно в целом, интересны детали. Задаем наводящие вопросы. А тут падаешь в обморок, вывихиваешь челюсть, подавляя зевки, и от каждого слова хочешь завизжать и задргать ногами. Ты представляешь, говорит Баська, она называет свои цветы *озеленением квартиры!* Это же... с ума сойти! Как он выдерживает?

Он – это Волик, муж; между нами, девочками, – Воланд. Волик-Воланд – искусствовед, антикварный эксперт, дилер. С Воландом ничего общего, это так, для прикола. Нарасхват. С деньгами. Часто в командировках. Молчит, думает не то о гонораре, не то о подсвечнике восемнадцатого столетия, весь там – взгляд рассеянный, потусторонний, на дьявола не похож, скорее – на пустую оболочку отсутствующего астрального тела. Ему по барабану озеленение. Звуковой поток сознания жены он воспринимает как... как... журчание дождя! Хотя какой там дождь! Дождь – это поэзия. Скорее как струю из крана. Мне так кажется. Мы знакомы

лет десять, но он никогда меня не узнает. Протягивает руку, улыбается и говорит: Владимир. Счастливый характер. И брак счастливый – из тех, что задуманы на небесах. Она говорит, он не слышит.

Звонок в дверь. Я вздрагиваю, бегу открывать, ожидая чуда. А вдруг! Хотя что «вдруг» – неизвестно. Что-нибудь хорошее... Увы. Пришли гости: сосед сверху Владик с сыном – ангелком, играющим на флейте. Ангелка зовут Веня. Бледненький, блекленький, хрупкий до синевы – настоящий ангелок. И лопатки, как крылышки под легким свитером. Стоят на пороге, смотрят на меня морями ясности – что папа, что сын. Заходят. Ангелок Веня светится радостью – протягивает мне свою бледную лапку, в ней зажаты мелкие купюры. Вот!

Пропускаю эту трогательную пару. Они шагают напрямик в кухню. Будем пить чай и общаться. Откуда дровишки, спрашиваю.

– Сам заработал! – радуется Веня. – В парке около пушек! Играл на флейте!

– Для стимула, – поясняет папа Владик. – Чем лучше играешь, тем больше заработаешь. Учиться надо.

– Я и так умею, – говорит Веня.

Владик выразительно смотрит на меня и вздыхает. Воспитательный этюд, похоже, не задался.

– А кто же платил? – спрашиваю.

– Так туристы же! – кричит Веня укоризненно, вопрос кажется ему, мягко говоря, неумным. – В парке же полно туристов! Мы еще пойдем, да, па?

– Посмотрим, – дипломатично отвечает Владик.

Веня пьет молоко с конфетой. Мы – чай.

– Никто ничего не давал, – тихонько говорит мне Владик. – Я дал купюру одному старику, попросил положить в коробочку. А он говорит: я и сам могу. Достает свои деньги и кладет. Мне было так неудобно!

Я смеюсь. Еще бы!

Владик – соломенный вдовец. Жена – актриса оперетты, вечно на гастролях. Мне кажется, он и сам не знает, женат ли. Воспитывает Веню, и наоборот. Оба голубоглазы, невелики, созерцательны и немногословны. Владик – повар в кафе. В отличие от «правильных» поваров, не толст, а худ. Научил меня готовить омлет с сыром и вегетой. Подавать с кетчупом под пиво. Вкусно до опупения! И всего пять минут делов.

– Веня, ты кушать хочешь? – спрашиваю.

– Не-а!

– Он ничего не ест, – говорит Владик. – У него даже нет сил играть на флейте.

– Есть сил! – не соглашается Веня. – Я уже хорошо играю.

Он с удовлетворением смотрит на кучку мятых бумажек. Он уверен, что теперь не пропавает. Впервые игра на флейте повернулась к нему привлекательной стороной.

Потом они прощаются. Веня скачет наверх, а Владик мнется на пороге. Ты хороший человек, Аня, говорит он ни с того ни с сего. Брови мои ползут вверх – нежности между нами не приняты, у нас нормальные добрососедские отношения. Чего это он?

– Ты... – запинается он. – Ты не могла бы... Веню... у меня ночная смена. – Он мучительно краснеет и смотрит мимо. У него даже нос вспотел от напряжения – покраснел и блестит. Не все способны врать убедительно. Ну, и что прикажете с ним делать?

– Папа! – кричит сверху Веня. – Ты скоро?

Ему удастся поднять на меня глаза. В них... О господи!

– Конечно, – говорю я, – приводи.

Я давно не видела такого счастливого человека. Он разворачивается и, не прощаясь, взлетает на свой этаж. Он уже забыл обо мне. А как же жена? Или... Баська, например, уверена, что мадам давно их кинула и удрала с заезжим цирком.

– Она же актриса, – говорит Баська. – А он? Повар в дешевой забегаловке. Даже самая плохая актриса... Я бы лично постеснялась!

– Он хороший человек, – говорю я.

– А в чем это выражается? – трезво спрашивает Баська. – Не пьет, не плюет на пол, здороваётся? Да он даже на вид не мужик с этими своими фарфоровыми глазками.

– А тебе надо, чтобы плевал, пил и матерился? – спрашиваю я просто так – Владика мы давно обсудили и поставили диагноз, и треп лениво катится по наезженной колее, скуки ради.

Баська не отвечает, только пожимает плечами.

Интересно, кто она? Официантка из кафе? Посудомойка? Клиентка?

В девять Владик приводит Веню со scarбом – полосатой пижамкой, плюшевым медведем, коробочкой овсяных хлопьев, потертой парчовой торбой, с которой его бабушка во времена оные ходила в театр, и футляром с музыкальным инструментом. В торбе – парковый гонорар. Похоже, Веня собирается держать деньжата при себе, а то мало ли... На моих глазах в индвидууме родилось чувство денег. За ним вполне может последовать целый букет – жадность, цепкость и накопительские инстинкты. А может, и нет.

Владик свежевыбрит, благоухает лосьоном. В красивом сером костюме и синей рубашке. Ему идет, он похож на манекен-унисекс в витрине средней руки бутика. Если надеть на него платье, он превратится в хорошенькую девушку.

– Сразу видно, что работа для тебя – праздник, – не удержалась я.

– А... да! Спасибо! – Он не заметил сарказма, он был уже где-то там, с ней...

«А если это не она, а он?» – вдруг подумала я. Мысль вполне дурацкая... но ведь всякое случается в наши дни, двадцать первый век на дворе!

– Он проспит до утра, – говорит Владик. – Утром сделаешь ему кашу. Можно с вареньем. И построже, а то рассусолит до обеда.

Похоже, он не собирается возвращаться к завтраку.

– Я потом позвоню, – добавляет Владик.

Позвонит потом? Когда «потом»? Это как понимать? Значит ли это, что ночная смена плавно перетечет в дневную?

– А когда ты вернешься? – Я беру быка за рога.

– Утром, – говорит он неуверенно. – Ну, ладно, я пошел. Веня, ты помнишь, что я тебе говорил?

– Помню, – отвечает сын.

– Что?

– Чтобы не баловался и про кашу.

– Имей в виду!

– Аня, а мы пойдем в парк? – Веня смотрит на меня с надеждой.

– Посмотрим, – дипломатично отвечаю я.

– Я не буду рассусоливать, – обещает Веня. – Честное слово! Пойдем? – Рот его искривляется подковкой, и он становится похож на обиженную рыбку.

– Пойдем, – сдаюсь я. В конце концов, можно спрятаться за дерево и сделать вид, что мы незнакомы. Я еще не определилась насчет парковой самостоятельности. Хотя казалось бы, а что здесь такого? Сейчас не зарабатывает только ленивый.

– Ты с ним построже, – инструктирует Владик на ходу. Он целует сына, бросает мне «привет» и улетает на крыльях любви. А мы остаемся.

Глава 4

День рождения Савелия

Погода – врагу не пожелаешь! Снег с ледяным дождем, плюс пронизывающий ветер, плюс чавкающая слякоть под ногами, плюс хрипящие, кашляющие, чихающие доходяги везде – в магазинах, в транспорте, на автозаправках и в кафешках. Плюс реклама препаратов от гриппа: тамифлю, аспирин, амизона, фармазона, пурмизона, всяких других «зонов» – на стенах домов, боках автобусов и троллейбусов, на гигантских мониторах по всему городу вкупе с насморчными носами.

Общеизвестно, что декабрь – депрессивный месяц, вобравший в себя всю муть, неприятности и пакости уходящего года. Самая мерзкая погода, число солнечных дней – ноль без палочки, мрак, вечные сумерки, долгие ночи, короткие дни и соответствующее настроение. Одно хорошо: еще немного – и прощай, старый год! Иди себе с миром...

А ведь есть люди, родившиеся в декабре, и самый радостный жизненный праздник у них всегда... гм... да! Савелий Зотов, например. Савелий – замечательный человек, главный редактор и гордость местного издательства «Арт нуво» – родился двенадцатого декабря, и тут уж ничего не попишешь. Главное, чтобы человек был хороший, с неубиваемым запасом оптимизма. Савелию в этом смысле повезло. Он не только оптимист по жизни, но еще и идеалист, что вполне уравнивает триаду наших друзей. Капитан убойного отдела Коля Астахов – реалист и трезвомыслящий человек, как и положено ему по должности, – мент, одним словом; Савелий Зотов... читайте выше; а Федор Алексеев – преподаватель философии местного педагогического университета, объясняющий все жизненные коллизии с точки зрения «мутной», по выражению капитана, философии. С точки зрения капитана, извилистые идеи этих двух не имеют ничего общего с окружающей действительностью, но тем не менее... тем не менее... иногда быют в десятку, не может он скрепя сердце не признать.

Один старый автор назвал триаду «божественной» в смысле совершенства, сбалансированности и равновесия. Так и триада наших друзей: совершенна, сбалансирована и уравновешена.

Свой день рождения Савелий отмечает дважды – официально, дома, с семьей и гостями, и неофициально, в узком кругу ближайших испытанных друзей: с капитаном Колей Астаховым и философом Федором Алексеевым.

Федор и Савелий уже на точке, в излюбленном баре «Тутси», за уютным угловым столиком, заботливо придержанным для них владельцем, он же бармен, Митричем. В баре, как всегда, немногочисленно; углы его тонут во мраке; негромко бормочет телевизор над стойкой бара, создавая атмосферу почти семейную.

Капитан запаздывает – рабочий день у него ненормированный, иногда далеко за полночь, дел невпроворот. Иногда, срываясь, он грозит уйти к брату в бизнес, но, обладая сильно развитым классовым чутьем, вряд ли решится. Покричит да успокоится. Савелий в красивом бежевом свитере с оленями, как раз по сезону. Свитер ему подарила жена Зося. Он с удовольствием поглядывает на обнову и время от времени оглаживает себя рукой. Федор – в любимом белом свитере, без оленей, но с выпендражным широченным воротом, в котором, если захочет, может утонуть до бровей; мокрая его шляпа, черная, с широкими полями лежит рядом, на соседнем кресле – Федор не доверяет ее раздевалке после того, как украли его старую. Коля Астахов как профессионал уверен, что Федор забыл шляпу на рабочем месте или на капоте своего белого «Форда», и оттуда ее сдуло ветром, как уже было однажды, или где-нибудь еще – в гостях, например. Он не верит, что шляпу украли злоумышленники, но предполагает, что ее

могли запросто спереть Федоровы студиозусы, для прикола. И надеть на астронома Коперника, чей бронзовый бюст стоит в фойе учебного заведения.

Они уже выпили по рюмке коньяка за здоровье именинника, и Федор подарил Савелию красивый брелок со знаком Стрельца. Савелий сияет. Друзья не виделись почти месяц, готовы обменяться новостями и с нетерпением ожидают капитана, который введет их в курс городских криминальных хроник.

– Без капитана чего-то не хватает, – задумчиво произнес Федор.

– Он обещал! Знаешь, как он занят! – подхватывает Савелий.

– Знаю, Савелий, и меня мучает совесть – капитан на страже, а я... Я все чаще думаю: а может, открыть детективное агентство? – Федор вопросительно смотрит на Савелия. – Понимаешь, Савелий, жизненной остроты не хватает, драйва. Я – скромный учитель философии, которая, как тебе известно, не является жизненно необходимым предметом и вообще непонятно зачем нужна – молодые люди прекрасно обходятся без нее, а старикам вроде меня... (Тут Савелий протестующе кашлянул). – *Старикам вроде меня*, – повторил Федор с нажимом, – с определенным жизненным опытом, есть что сказать, обобщить и вывести формулу бытия, но эта обобщенная формула будет носить узко-субъективный характер и представлять интерес лишь для небольшой горстки схоластов, подобных мне. Знаешь, Савелий, мне все чаще хочется повторить слова Сократа: я знаю только то, что ничего не знаю, но другие не знают и этого. Да и тут, Савелий, тоже вопиющая неясность – некоторые источники приписывают эти слова Демокриту.

– Федя, ты не прав! – поспешил возразить добрый Савелий. – Это декабрьская депрессия, это пройдет. Философия, разум, просвещение... это вечные категории, как же без них, подумай сам, Федя...

– Наш капитан занят делом, а я... – Федор махнул рукой.

– Жениться тебе надо, Федя, – сказал Савелий непоследовательно.

– А у тебя есть на примете славная девушка, которая не откажется выйти за философа? Знаешь, Савелий, философы, как правило, молчаливые зануды и домоседы, и они не смотрят сериалов.

– Ну... ты совсем не молчаливый, – возразил Савелий.

– Спасибо, Савелий! – хмыкнул Федор. – Так есть?

– Надо спросить у Зоси... у нее много подружек. А вообще, на твоем месте я бы уехал куда-нибудь покататься на лыжах, у тебя скоро каникулы, свобода! – с фальшивым энтузиазмом воскликнул Савелий.

– Давай вместе!

– Я не могу, Федя, ты же знаешь. – Тон у Савелия был виноватым.

– Знаю, знаю. Жена, дети. Твоя Зося... которую ты, кстати, увел у меня, замечательный человек, и я бы ни минуты не⁴...

– А чего это мы грустим? – раздалось у них над головами. – Без меня начали?

– Коля! Пришел! А мы уже заждались! – обрадовался Савелий.

– Привет, капитан!

Мужчины обменялись рукопожатиями. Капитан Коля Астахов, румяный с холода, хлопнул Савелия по плечу и протянул продолговатый сверток:

– Подарок! От всего сердца!

– Ну что ты, Коля, не нужно... – смутился и обрадовался Савелий. Развернул сверток, достал коробку, раскрыл и замер от изумления. В коробке лежал красивый блестящий пистолет. Он поднял глаза на Колю: – Настоящий?

– Фуфло не держим. Нравится?

⁴ История Савелия Зотова и Зоси рассказывается в романе Инны Бачинской «Убийца манекенов», издательство «Эксмо».

– Но я... даже не знаю. Я никогда не стрелял...

– Я тебя научу. Справим лицензию, будешь ходить с пушкой, пугать бандитов.

– Знаешь, Коля... я... не знаю... – забормотал озадаченный Савелий.

– Смотри! – Коля достал пистолет, прицелился. Савелий зажмурился. Коля щелкнул курком – из дула вырвалось красное пламя.

– Это зажигалка! – обрадовался Савелий. В голосе его слышалось облегчение, он даже забыл, что не курит.

– Убить не убьет, но шуганет будь здоров, – объяснил Коля. – Ну что, погнали за именинника? По первой! За тебя, Савелий!

Они выпили. Коля бросил в рот горсть соленых орешков и сказал:

– Федор, ты чего такой смурной? Нелетная погода достала?

– А тебя не достала?

– Да я ее в упор не вижу! Я дома не бываю, понял? У меня каждый день... нелетная!

– Что-нибудь опять? – оживился Федор.

– И опять, и снова.

Савелий и Федор выжидающе смотрели на капитана. Тот, упиваясь вниманием, не торопился. После паузы сказал:

– Помните убийство старика в День города? Двадцатого октября? Похоже, наш стрелок засветился снова. Убит мужчина, пенсионер, шестидесяти пяти лет. Около полуночи второго декабря в своей квартире в многоэтажном доме, на окраине, и снова нет свидетелей, и никто ничего не слышал. В квартире ничего не тронuto, следов он снова не оставил.

– А гильза?

Коля иронически хмыкнул:

– Какая гильза? Он же не идиот, все зачистил. Выстрела никто из соседей не слышал.

– Кто жертва? – спросил Федор.

– Моисеенко Иван Григорьевич, банковский служащий в прошлом, пять лет как на пенсии. Был в квартире один – жена ночевала у дочки, она учительница, тоже на пенсии. Застрелен перед телевизором... Кстати, он еще работал, когда мы приехали. Нашла его через сутки жена, когда вернулась домой. Она же вызвала «Скорую», те – нас. Она даже не поняла толком, что случилось...

– Откуда известно, что около полуночи?

– Она сказала, что они уже полгода смотрели сериал – у меня записано название, – который начинается в одиннадцать с минутами, идет с понедельника по четверг. И снова ничего не взято, там и брать-то нечего, люди небогатые. Жена говорит, ничего не тронuto, все на месте. Судя по положению тела в кресле, Моисеенко не видел убийцу и не слышал – во всяком случае, не пытался вскочить и спрятаться. Стрелок уложил его наповал одним выстрелом в голову. Как и в первом случае, он отпер дверь плохо пригнанными ключами, сделанными со слепка, или отмычкой – на замке заметны легкие царапины. Потом прошел по коридору в гостиную, где работал телевизор, и прямо с порога выстрелил. Это около четырех метров. Гильзы нет. Как я уже говорил, звука выстрела никто из соседей не слышал, что говорит в пользу глушителя.

– Это... маньяк? – спросил побледневший Савелий.

– Вряд ли, Савелий. Маньяки так не убивают. Тут, похоже, действовал профессионал, – сказал Федор. – Аккуратный выстрел, отсутствие следов. Опять-таки глушитель. Хладнокровия ему не занимать. Что за оружие?

– По-видимому, «ПМ» с глушителем.

– Что такое «пэм»? – спросил Савелий.

– Пистолет Макарова.

– Но зачем? Коля говорит, небогатые люди... Может, месть?

– Может, и месть. Работаем, Савелий.

- Может, из-за квартиры?
- То есть ты думаешь, Савелий, что дочка жертвы наняла киллера, чтобы прибрать к рукам отцовскую квартиру?
- Ну... да! Я читал!
- Вряд ли, – с сомнением сказал Федор. – Во-первых, не верю, а во-вторых, услуги профи стоят намного дороже. Кстати, что там за квартира, капитан?
- Обыкновенная двушка, спальный район. Понимаете, как-то это все... – Коля покрутил головой. – Как-то не по рангу... что ли. Федя прав.
- Как это – не по рангу?
- Капитан хочет сказать, Савелий, что обыкновенных людей так не убивают. Обыкновенного небогатого человека грабят в подворотне, бьют по голове кирпичом или ножом, хватают кошелек и делают ноги. А тут убийца пришел домой, использовал серьезное оружие, профессионально стреляет, не оставляет следов. Понимаешь? Похоже, профи. Что есть странно, так как не по рангу, по словам капитана. Такая работа стоит денег, Савелий. Так убивают конкурента или с целью серьезного грабежа. Но в квартире жертв не было ни золота, ни антиквариата, ни денег. Не было, Коля?
- Откуда я знаю, что там было? Зачем-то он приходил, правда?
- Может, у него был компромат на кого-нибудь, он ведь в банке работал, – сказал Савелий.
- Он на пенсии уже пять лет, Савелий. А потом, кого этим компроматом сейчас испугаешь? Чтобы дошло аж до убийства, а?
- Или что-то ценное...
- Или, или... Не знаю.
- А первая жертва...
- Вдовец, давно на пенсии, жил один. Старик под девяносто. Почти не выходил. Обстановка скромная, даже бедная. Две комнаты, в одной что-то вроде мастерской, всякие инструменты, полно хлама: поломанные часы, цепочки, коробочки с мелкими детальками – пружинками, винтиками, колесиками. Кроме того, ему иногда приносили чинить сложные старые часы, правда, в последнее время все реже. Он любил возиться со всякими механизмами, там одних часов с кукушкой на стенах девятнадцать штук в целости и сохранности. Убийца разнес вдребезги все, что было на столе, – использовал для этого мраморное пресс-папье – осколки по всей комнате. Похоже, он засветился, были свидетели. Парень и девушка видели на лестничной площадке человека, здорового мужика в черной куртке и вязаной шапочке, надвинутой на глаза, возможно, пьяного...
- Почему они решили, что он пьян?
- Он вроде пошатывался, задел свидетеля плечом и как-то кренился. С какого этажа он спускался, они не заметили. Лифта там нет.
- Ружье под курткой! – догадался Савелий.
- Соображаешь, Савелий. Только у него был пистолет, а не ружье, забыл? Так что не то кренился, не то не кренился – дело темное. Свидетель обозвал его «козлом», а он даже не ответил. В подъезде горела лампочка, но свет был слабый, лица этого типа он не рассмотрел. А девушка вообще стояла спиной.
- Их счастье, – заметил Федор. – Если это был он.
- Может, он не нашел то, что искал, и поэтому разбил... – сказал Савелий. – Разозлился и...
- Вряд ли, как я уже сказал, хладнокровия ему не занимать. Не похоже...
- А зачем тогда? Может, месть?
- Ему никто не ответил.

– А чего это мы как канадские лесорубы? О работе и о работе? – спохватился капитан. – Мы ж тут по делу. Савелий, с днюхой тебя! Желаем тебе большого человеческого счастья, крепкого здоровья, новых интересных книжек! Вот ты скажи, Савелий, мне по-человечески интересно: ты что, их все подряд читаешь? По долгу службы? Весь рабочий день? А дома зомбоящик с сериалами?

– Сериалы я почти не смотрю, не успеваю. Только новости.

– Ясно. Я тоже не смотрю. Трудная у нас работа, Савелий. За тебя!

Они выпили. Бармен Митрич принес блюдо бутербродов и бутылку коньяка имениннику от себя лично. Они снова выпили, причем Митрич присоединился – они были его любимыми клиентами.

Потом Федор сказал:

– Я бы поработал по ключам. Возможно, не отмычка...

– Работаем, господин философ, сами не дураки. Ключей не теряли, хищения не было, второй комплект на месте. Также проверили мастера из телеателье, его вызывали за две недели до убийства. Подозрений он не вызвал, тем более старики были не одни – дочка забежала провести. Говорит, мастер был все время на виду. А кто еще приходил... поди знай! Все никак не научится народ не открывать дверь! Жулье стало хитрое – то под видом социальной службы, то льготные продукты для ветеранов, то давление померить. А народ ведется, привык верить по старой памяти. Можно не только слепок снять, а и всю обстановку вынести... Стрелять мало!

– И покопался бы в документах, – добавил Федор.

– Покопались уже. Паспорта, квитанции, пенсионные удостоверения, старые письма, открытки к праздникам. Дневников они не вели, был компьютер, переписали на всякий случай, с кем общался по электронной почте. Еще какие будут распоряжения, господин философ?

Глава 5

Анечка

Зовут меня Анна Ломакина, работаю я иллюстратором в издательстве «Арт нуво», хотя закончила архитектурный факультет нашего инженерно-строительного института. Ни великого художника, ни успешного архитектора из меня, к сожалению, не вышло. Или к счастью. Иногда я думаю самокритично, что Амалия была права. Она мечтала о карьере переводчицы для меня – заграница, культурный уровень, интересные поездки и встречи... большая любовь в итоге. Но сомневалась. Оказалось, не зря. Для успеха нужны характер, сила воли, целеустремленность... и еще целый ряд... всего. У Амалии этого было в избытке, но иногда мне приходит в голову крамольная мысль: ведь из нее тоже ничего путного не получилось! Одинокaя старая дева. Говорят, она всю жизнь любила моего отца. Мои единственные родственницы, тетки отца, Аичка и Лелечка, знают об этом якобы романе досконально, и тетя Ая, кажется, до сих пор жалеет, что отец женился на маме. Я по привычке называю их тетя Ая и тетя Леля, хотя они мне скорее бабушки, а я их внучатая племянница. Уф, сложно это все! Лелечка по секрету рассказала мне, что папа в молодости шарахался от Амалии, как от чумы, хотя она была умница, отличница и друг детства. Но характер, характер! Характерец! Верховный главнокомандующий с манией величия.

– Я ее тоже побаивалась, – призналась Лелечка. – Ее все боялись. Она была замужем, но об этом... никому! Это тайна. Целых полгода. А потом он сбежал. Сказал, за пиццей, а она ему запрещала – пицца вредна для здоровья, она очень следила за здоровьем, и он не вернулся, даже вещи не забрал. И Амалия вычеркнула его из своей жизни. Аичка ее очень любила... Знаешь, Анечка, – добавила она шепотом, – Аичка и Амалия... они... ну, прямо как родные сестры!

...Я помню, как мы сидели за столом – был какой-то праздник или чей-то день рождения: мои родители, Амалия, которая тогда уже жила с нами, тети Ая и Леля – Ая в красном платье, Лелечка – толстая; еще там была очень красивая женщина по имени Эвелина, которую я считала принцессой. Был еще мальчик, чуть постарше меня, которого я почти не помню...

Мои родители погибли в авиакатастрофе по дороге в Таиланд четырнадцать лет назад. Они летели на международную конференцию хирургов-трансплантологов, организованную Фондом Кристиана Барнарда⁵. Я долго не могла поверить, что их нет. То, что я испытывала, было скорее растерянностью, чем горем. Так и осталась у меня уверенность, что они существуют где-то в параллельной реальности, и не последним доводом было то, что нигде нет их могил. Наличие могил было бы непреложным доказательством их гибели, а так... была надежда.

Я была замужем, недолго, правда. Мой муж был тренером по вольной борьбе – красивым мускулистым молодым человеком с танцующей походкой, избалованным победами, лаврами и поклонницами.

Баська терпеть его не могла и называла приматом. Я обижалась, но не могла не признать, что известная доля истины в словах Баськи была. Мой муж из печатного слова признавал только объявления в газетах и спортивные журналы. После трех лет брака мы спокойно расстались, он даже не претендовал на жилплощадь, хотя Баська предупреждала, что оттяпает половину как пить дать. Правда, с другой стороны, он ушел не на улицу, а к женщине с трех-

⁵ Кристиан Барнард, Южная Африка – хирург-трансплантолог и общественный деятель. Известен тем, что 3 декабря 1967 г. выполнил первую в мире пересадку сердца от человека человеку.

комнатной квартирой. Мы, можно сказать, остались друзьями, пересекаемся иногда, забегаем в какую-нибудь кафешку – я пью кофе, он – травяной чай.

– Слушай, а чего это мы разбежались? – однажды спросил он.

Я пожала плечами...

Баська тоже одна. Сочиняет сценарии о любви, об олигархах с добрым сердцем и бедных девушках, которым в конце концов повезло, – тем и кормится. Иногда мы сочиняем на пару. На столе стоит бутылка вина, два бокала, и мы творим, помирая со смеху. Самые прекрасные минуты моей жизни. Да и Баськиной тоже.

– Так, – говорит Баська деловито, положив руки на клавиатуру. – Сосредоточились. Главный герой – сильный мужик, жесткий...

– Красивый, – подсказываю я.

– Необязательно, для них это не главное. Они берут другим: головой и деньгами.

– Ладно, – говорю я покладисто. – Тогда пиши: маленький, плюгавый, одноглазый, но сильный и жесткий! Сказочно богатый и с головой.

– Совсем очумела? Я серьезно! Соберись!

– Ладно. Тогда красив... э-э-э... по-мужски: в шрамах, крупный, с сильным разворотом плеч, с длинными ногами спринтера, в прошлом – хоккеист. Олигарх – однозначно. Они все олигархи, других нам не надо. Жена умерла от рака. – Я смотрю в потолок в поисках вдохновения.

– Ага. И ребенок! Девочка. А на фиг шрамы?

– Для романтики. Когда-то он защитил девушку от хулиганов, разогнал или даже замочил половину, но они, убегая, успели ранить его ножом. А его девчонка – невоспитанная уродина, издевается над прислугой, садовником и гувернантками!

– Анята, было уже вроде, – сомневается Баська.

– Было, было... ну и что? Все уже было. Один он, что ли, такой?

– Ну, ладно, допустим. И героиня... как бы это... не очень красивая?

– Не очень? Не то слово! Форменная уродина! Ужасно одета, не намазана, не причесана, с грубыми руками, несчастная, учит сестру в институте, на себя – ноль внимания, носит старую кофту своей бабушки. Нанимается в горничные к олигарху. И все ее унижают – особенно сам олигарх и его дочка. Эта девчонка – вообще изверг.

– Ага! – Проворные Баськины пальцы так и летают.

– Он ей грубит, швыряет тарелки, задерживает зарплату, а она только плачет, нос красный, голос насморочный.

– Перебор вроде, – задумывается Баська.

– Нормально. Надо сгустить краски, а потом... Может, он вообще хочет пробудить в ней самоуважение, растолкать, ну, там, чтобы она проявила чувство собственного достоинства, понимаешь? А то она такая жалкая и несчастная... и чтобы бросила в него тарелкой или хотя бы выругалась. А на самом деле он хороший.

– Ты так думаешь? – сомневается Баська.

– Я так не думаю, – твердо говорю я. – Но есть законы жанра! Пер аспера ад астра! Через тернии к звездам, или из Золушки в принцессы. Точка.

– А как он в конце концов обратит на нее внимание? – перебивает она.

Я соображаю. Потом выкрикиваю:

– Знаю! По ночам она подрабатывает в ночном клубе стриптизершей!

– Чего?!

– А чего? Нормально. Тут можно шикарные сцены – везде позолота, публика в вечерних туалетах, и стриптизерша... с фигурой! В одних трусиках, золотых, с бахромой. Стрингах. И он в нее влюбляется. Но не узнает.

– А дочка как? – Баська, похоже, заинтересовалась.

– Дочка? Ну, допустим... допустим... она увидела, как горничная репетирует в своей комнате, и пришла в восторг, и поняла, что тоже хочет стать стриптизершей. Тут они и подружатся и начнут репетировать вместе. – (Баська фыркает). – И вообще, она тоже хорошая, но папа не обращает на нее внимания, все время занят, и она, чтобы привлечь его внимание...

– Ага, – скептически хмыкает Баська, – чтобы привлечь его внимание, достает обслугу и гувернанток?

– Ну... да! А что? Скажешь, нет правды жизни?

– И папа-олигарх нарадоваться не может, что дочка вдруг стала делать уроки и не грубит и вообще стала похожа на человека, да?

– Ну! А потом оказывается, что девушка, на которую когда-то напали хулиганы, это на самом деле горничная-стриптизерша, но они друг друга не узнают!

– Не узнают, как же! Совести у тебя нет, – бросает Баська. – Ну, да ладно, не «Война и мир»! Погнали!

И так далее и тому подобное. Творчество, однако!

...Папа Владик улетел на крыльях любви, оставив мне Веню с парчовой торбой и музыкальным инструментом.

Веня деловито вытряхивает деньги из торбы на журнальный столик, смотрит на меня.

– Давай посчитаем, – предлагает он.

– Ты разве не считал?

– Папа считал, но я уже забыл. – Он хитрит, прекрасно он помнит, но ему приятно еще раз подержать в руках свои сокровища. Смотрит на меня умильно.

– А что ты хочешь купить? – спрашиваю.

– Машину! Только папа сказал, еще мало. Пойдем в парк? – В глазах его – ожидание.

Я раздумываю, что ответить, призывая на помощь все читанное или слышанное. Педагог из меня – как китайская танцовщица – сравнение из репертуара Баськи.

Раздумья мои прерывает дверной звонок. Легка на помине, Баська вламывается в прихожую, вихрем проносится в гостиную, со стоном падает на диван и теряет сознание. Веня испуганно смотрит на меня.

– Ничего, Венечка, – говорю я, – тетя очень быстро бежала и...

– Я ее отравила! – заявляет Баська утробным голосом, не открывая глаз. – Посреди семинара по удалению мозолей.

– Чем?

– «Тайдом»!

– И она... согласилась? – Вопрос – глупее не придумаешь.

Она открывает глаза, внимательно смотрит на меня:

– Нет. Но я ее убедила.

– И где же она? – Я все еще не верю.

– Дома. Приехал Воланд и забрал тело.

Неужели правда? Я с сомнением смотрю на Баську. Она мрачна, раздувает ноздри и не накрашена. Последнее обстоятельство пугает меня. Баська даже мусор выносит при полном параде – под девизом «никогда не знаешь».

– Ты... это... правда? – Чья-то липкая холодная ладошка скользит по спине. – Бася! Ты... с ума сошла?

– Не бойся! Тебе что, ее жалко?

– Нет, но... ты шутишь? Конечно, жалко!

– Какие тут шутки!

– И что... теперь?

– Теперь в тюрьму. Будешь свидетелем защиты, скажешь, что... ну, в том смысле, что она сама напросилась. Суд присяжных меня оправдает, надеюсь.

– А кого она отравила? – спрашивает Веня.

Тут только Баська его заметила:

– А ты чего тут?

– Меня папа привел!

– С каких щей?

– Чего? – не понял Веня.

– Тетя шутит, – вмешиваюсь я. – Это у нее такие шуточки. Не обращай внимания.

– А где кормилец? – Это мне.

– В ночном. Веня, ты не видел Филиппа? – Я пытаюсь отвлечь ребенка, предчувствуя последующую Баськину реплику. Филипп – мой кот, толстый вальяжный полукровка, сиамец пополам с персом. Сиамо-перс. Или персо-сиам. Проявляющий активность лишь в одном случае – при виде Вени. Говорят, собаки любят детей. Всяких. Филипп даже в этом противоположен собаке. Он бежит прятаться.

– Он спрятался, – говорит Веня.

– Иди поищи, – предлагаю.

– У них в богадельне ночные смены? – спрашивает Баська. – И ты повелась?

– Какая разница, – говорю. – Он что мне, муж? Или любовник?

– Им всегда легче, – вздыхает Баська. – Даже самый занюханный кому-то нужен. У тебя водка есть?

– Есть.

– А мозоли?

Я вытаращиваю глаза:

– А при чем тут...

– Представляешь, она рассказала, как удаляла мозоли, в лицах и деталях, сняла колготки и показала где, а я... ее...

– Ты ее?..

– Я предложила ей вишневую наливку тети Паши, сказала, друзья привезли из Монако. Там бутылка фирмовая. Она вырубилась после третьей рюмки.

– Это же синильная кислота!

– Ага. Я не пила. А потом вызвала Волика и... вот. Самое ужасное, что ее стошнило на ковер. Бр-р-р! Волик очень извинялся. Можно, я у тебя останусь?

– Оставайся. А водка зачем?

– От стресса. Целый рабочий день она крутила мне... – Баська оглядывается на Веню и заканчивает: – ...голову. Представляешь? Спрашивала о тебе, между прочим, рвалась, но я не пустила.

– Спасибо.

– Будешь должна. Наливай!

Мы выпили. Закусили крохотными прошлогодними огурчиками. Подарок Владика, маринад по собственному рецепту. Он кладет в него хрен. С непривычки глаза лезут на лоб.

– Крепкий, зараза! – выдыхает Баська и шмыгает носом. – А по виду не скажешь!

– В смысле?

– Да огурец! На вид – божий одуванчик, а продирает!

– Божий одуванчик? – Я присматриваюсь к Баське.

– Да этот твой Владик! – кричит она. – С его внешними данными ему только блинчики с повидлом стряпать, а тут такое зверство!

– Ты его еще не знаешь, – говорю. – Владик... это гигант общепита!

– Ага. А как твоя крыса?

– Нормально. Всегда со мной.

– А твой котяра... Филипп?

– В смысле?

– Ну... что он, когда она?..

– Ты серьезно? – Я смотрю на Баську. Она отвечает несфокусированным взглядом. – Это же умозрительная крыса! Он ее не видит! Ее никто не видит, кроме меня!

– А-а-а... Ну, тогда... в смысле... ага...

– Ты тоже пила тетипашину наливку? – спрашиваю подозрительно.

– Я? – Баська пытается вспомнить. – Это... – Она трет ладонью лоб. – Кто? Что-то... я... мне... ой, плывет! Бедный Воланд... – Она хихикает. – Ой!

Я мчусь за тазом. Стаскиваю с антресолей, роняя на пол разное барахло. Хорошо, что не выбросила. Баська лежит на животе, одна рука касается пола, лицо в щели между подушкой и спинкой дивана. Меня обдает ужасом – умерла! Я с грохотом роняю таз и падаю на колени перед Баськой. Хватаю ее руку, трясусь за плечо. Она что-то бормочет. Жива!

«Да что же это такое! – думаю беспомощно. – С чего ей умирать! Очнись, мать! (Это себе.) Совсем сбрендила?»

– Тетя умерла? – спрашивает Веня. С Филиппом на руках он тихо стоит на пороге. На морде Филиппа обреченное выражение, лапы повисли.

– Тетя спит! – говорю я твердо, отпуская ее безвольную руку. Рука ударяется об пол.

– А таз зачем? – Вот настырный ребенок!

– Стирать буду, – говорю. – Носовые платочки.

– Папа сказал, чтобы я пил молоко. У тебя какое варенье?

А черт его знает, какое у меня варенье! Я его не ем. Стоит в буфете какое-то – кстати, прошлогодний подарок Владика.

– Идем посмотрим. – Я беру его за руку, и мы идем в кухню. – Вот! – Я ставлю на стол банку с вареньем. На банке никаких опознавательных знаков. На крышке – закорючка, тайный масонский код. – Твой папа варил.

– Папа? – Веня на миг задумывается. – Тогда это вишневое без косточек. Давай молоко!

Никак смена растет. Он опускает Филиппа на пол, и тот немедленно удирает...

...Веня спит на кресле-кровати. Баська – на диване. Я расстилаю постель, укладываюсь и щелкаю выключателем ночника. Темень обертывает меня, как одеялом. Она густа, ее можно потрогать пальцем, она звенит едва слышным паутинным звоном. На спинке кровати сидит Белая крыса Амалия. Улыбается насмешливо, разглаживает лапой усы, шевелит кончиком розового хвоста.

– Пошла вон! – говорю я вслух и накрываюсь с головой. – Нет меня. Брысь!

– Неудачница! – фыркает Амалия. – Я всегда знала, что ничего путного из тебя не выйдет. Ленивая. – Она загибает коготь на лапе. – Инертная. – Еще один коготь. – Безразличная. Руки-крюки. Отвратительный почерк. Неряха. Не умеешь себя поставить. Сутулишься. И медведь на ухо наступил!

– Все? – Я высовываюсь из-под одеяла.

Тишина. Амалии нет. Я рывком сажусь. Включаю ночник. Тусклый зеленый эллипс появляется на поверхности тумбочки. На спинке кровати никого.

– Эй, ты где?

Молчание. Ночник самопроизвольно гаснет, и я с трудом сдерживаю вопль.

...Мне снова шесть лет, я заявила со двора исцарапанная, грязная, кругом виноватая. Амалия звала меня, но я делала вид, что не слышу. Прекрасно понимая, что она прекрасно это понимает и расплата неминуема. Она молча отправила меня в ванную комнату. Налила горячего молока. Молчать она умела так, что мурашки по коже.

Погасила свет и закрыла дверь спальни, не сказав ни слова. Мне бы извиниться, но язык прилип к гортани. Я лежала в крошечной тьме, затаив дыхание. Вокруг потрескивало, шуршало – кто-то осторожно бегал на мягких лапах, трогал одеяло, дышал мне в ухо. Окно висело в пространстве длинной серой фигурой. Отчаянно чесалось правое колено, но я, парализованная, лежала бревном.

Вдруг в стекло громко затарабанило и створки окна с треском разлетелись в стороны. Вопль ужаса, который исторг несчастный комок плоти в кровати, мог поднять и мертвого. Сквозняк пролетел по комнате, коснулся моего лица. Створки, ударившись о стену, со стуком вернулись на место. В небе полыхнул ослепительный синий разряд, раскат грома потряхнул дом – и тут же ударил ливень.

Я была жива. Я даже перевела дух. Ливень – это не страшно. Гроза, молния, гром – все это не страшно. Это не... *Вий*. Накануне я смотрела кино про Вия, как он в старой церкви... и... и... вот!

Амалия не пришла. Она никак не откликнулась на мой вопль. И я впервые почувствовала что-то вроде ненависти. Я поняла своим скудным шестилетним разумом, что взрослое холодное и жестокое ее пренебрежение перевешивает все мои мерзкие проступки, вместе взятые. Проступки мои были гадкие, мелкие, жалкие, а ее правота была страшной. Во мне всегда жила уверенность, что, если я стану хорошей, она меня полюбит... и теперь эту уверенность унесло сквозняком. Я поняла, что никогда... никогда! Никогда Амалия не примет, не простит... Чего? Что мой отец женился на маме? Она обожала его. У них было общее детство. Общий учитель английского. Их дразнили женихом и невестой. Родители их дружили. Она надеялась и ждала...

Об этом я узнала много позже. Случайно – отец, смеясь, рассказал как-то маме, что Амалия не давала ему проходу, писала письма, таскалась следом, и ему приходилось удирать через дырку в заборе...

Ненавижу! Не-на-ви-жу. Мне не нужна ее любовь. Если бы она вдруг решила полюбить меня, я бы гордо отвернулась. Я бы... я бы...

Сколько можно?! Ее давно нет! Я вдруг замечаю, что плачу. Холодные дорожки слез по вискам.

Отпусти меня! Отпусти! Слышишь?

Едва слышный звук шагов. Я замираю, сердце колотится в горле. Светлый столбик у моей кровати. Веня!

– Ты спишь? – спрашивает Веня.

– Что случилось? – Я с облегчением перевожу дух и зажигаю ночник. – Ты видел... крысу?

Босой Веня в полосатой пижамке, с парчовой торбой на шее.

– У тебя живет крыса? – Круглые от удивления глаза и открытый рот.

– Нет!

– Можно, я к тебе? Там в углу страшное чудовище! Оно шевелится и храпит. Послушай! Из гостиной доносился храп.

– Слышишь?

Я приподняла край одеяла. Веня холодной рыбкой нырнул ко мне. Прижался. Жесткая парча уперлась мне в бок. Его волосы пахли перьями.

«Может, взять его себе?» – подумала я. У Владика новая любовь, мама неизвестно где. А мы будем ходить в парк играть на флейте. А потом купим машину. Я получу права, Веня пойдет в школу. Я буду ходить на родительские собрания и делать с ним уроки. Смысл появится. А то время идет... и проходит. А?

Эй ты, Амалия! Выходи, подлая трусиха! Я тебя не боюсь. Я как ребенок номер триста пятьдесят три, которому старый робот читал по ночам сказки. И мне больше не страшно. Я нащупываю рукой ночник, лягушонка под зонтиком, сжимаю в руке – только попробуй!

Утром я встану первая, приготовлю завтрак. Разбужу Баську и Веню. По очереди отправлю в ванную. Включу музыку, что-нибудь легкое, вальсы Штрауса например. И мы сядем за стол, и будем сидеть долго-долго, пить молоко и кофе и разговаривать.

Баська еще раз расскажет про Ольгицу, вспоминая новые детали, потом мы еще раз пересчитаем капиталы из парчовой торбы, обсудим, сколько осталось до машины. И пойдем в парк. Веня будет... Как это называется? Халтурить? Я представляю себе вдохновенное лицо Вени, халтурящего на флейте, рядом коробочка для денег, а в ней смятая бумажка (моя!) и еще копейки, и смеюсь.

Обнимаю Веню, прижимаю к себе. Он сопит, дыхание у него горячее...

Глава 6

Семейный обед

Почему мои родители сдали меня Амалии? Нет ответа. Хотели как лучше, наверное...

Она ушла от нас, когда мне было десять. По слухам, после ссоры с мамой. Амалия сказала ей все, что думала обо мне, и мама попросила ее уйти. Насовсем. Это версия тети Аи. А Лелечка по секрету рассказала, потом уже, что она вроде как вышла замуж... А вообще, меня отдали Амалии потому, что папа думал, что этого хочет мама, а мама – наоборот. Она бывала у нас в доме, мама была с ней приветлива и всегда повторяла: какое счастье, когда у ребенка *такой* воспитатель. Папа и предложил Амалии переехать к нам. Мужчины часто все понимают неправильно. Лелечка однажды сказала мне по секрету, что мама была недовольна, она робела в присутствии Амалии... Такое недоразумение получилось. А в итоге – Белая крыса, пугающая меня по ночам.

Амалия умерла спустя десять лет, мы узнали об этом от Лелечки. Она же передала мне «сувенир» от Амалии, как она выразилась, – простенький медальончик в виде сердечка, серебряный, с крошечной блеклой стекляшкой, завернутый в кусочек замши. Моим первым побуждением было отдать его кому-нибудь, выбросить, но я постеснялась. Поэтому лишь убрала с глаз долой – сунула в какую-то шкатулку и забыла. И ни письма, ни записки. Ничего. Как расценить ее прощальный жест – я не знаю. То ли как просьбу о прощении? То ли как желание остаться в памяти? То ли больше некому было оставить? В конце концов, мы были ее единственной семьей. Не знаю. Я тогда заплакала, сама не знаю почему. Мне было жалко Амалию, которую никто не любил. Я повторяла себе, что она сама виновата, что она была высокомерна, нетерпима, агрессивна, как ее любить такую? Еж с колючками. Но ведь еж не виноват, что у него колючки!

Ладно! Пережито, забыто. Сколько можно?

Вырвал меня из сна телефонный звонок. Бросив взгляд на спящего Веника, я вскочила и помчалась в прихожую. Я представляла себе, кто звонит. Да что там представляла! Я знала. На домашний мне звонят считанные люди, и среди них только двое звонят в воскресенье. Я не ошиблась – это была Аичка.

– Аня, доброе утро. Надеюсь, я тебя не разбудила, – сказала Аичка официально.

Разбудила, разумеется, но я не признаюсь даже под страхом смертной казни.

– Нет, тетя Ая, я уже давно на ногах.

Интересно, который теперь час!

– Надеюсь, у тебя все в порядке. Я и Леля хотим пригласить тебя на обед. Сегодня. Извини, что не известили заранее, так получилось. Успеешь? В два. Ровно. Постарайся не опоздать.

– А... обед? Ага... – Меня бросает в жар – чей-нибудь день рождения? А я забыла? Нет, кажется. Сестры родились в... июне. – Ладно, – лепечу я. – А... что принести?

– Ничего, – отвечает Ая снисходительно. – Все есть. В два, поняла?

– И когда ты наконец научишься манерам? – слышится мне. – Цветы, разумеется!

– Приду! Спасибо. – И тут же лихорадочная мысль: куда девать Веню? Подозреваю, что Владик не вернется до вечера. Взять с собой? Из гостиной доносится храп – Баська! Как удачно!

Через пять минут новый звонок, на сей раз Лелечка.

– Анечка, привет! – шепчет она возбужденно. – Ты не представляешь себе, что случилось! Приехал Николенька Биллер! Я до сих пор не могу опомниться, просто голова кругом! Остановится у нас, мы уже пригласили. Помнишь Николеньку? Такой солидный маленький мальчик с бабочкой! Ну, ты не можешь не помнить! Придет на обед. Мы сейчас за продуктами.

Анечка, принеси кофе! Ты же знаешь Аичку. Она не признает кофе. Сказала – купит, но я не уверена. Принесешь, ладно?

– Ладно, Лелечка. – Так получилось, что Ая для меня – тетя Аичка, а тетя Леля – просто Лелечка. – Принесу. Какой?

– Покрепче! Молотый! – Заполошное «Ой!», вслед: – Целую! Все! – И сигналы отбоя.

Я собиралась спросить, кто такой Николенька Биллер, но было уже поздно. Она сказала, я должна его знать... но я не знаю. Стоп! Амалия тоже Биллер! Ее родственник? С бабочкой? Смутное видение маленького мальчика, белобрысенького, с чистыми ручками, с галстуком-бабочкой... сто лет назад... Господи! Неужели тот самый? Блестящий пример для подражания! Уменьшенная копия Амалии и тоже Биллер. И кто же он сейчас? Учитель чистописания? Банкир? Мастер церемоний? Толстый рыхлый блондин с бабочкой? Позвонить, что ли, и отказаться? Черт побери! Не хватит смелости, и думать нечего. Аичке никто никогда не отказывает, она не позволит.

Баська никак не может продрать глаза. Она отпихивает мои руки, что-то бормочет, сбрасывает с себя плед.

– Который час?

– Уже двенадцать! Вставай! Останешься с Веником!

– Чего? – Она мигом просыпается. – С каких щей?

– Звонила Аичка, зовет на обед. Приехал Николенька Биллер...

– Какой, к черту, Николенька Биллер? – стонет Баська. – Господи, до чего же мне погано!

– Мой друг детства, родственник Амалии.

– На фиг он тебе?

– Аичка сказала, прибыть в два. Хочешь со мной?

– Упаси бог! Я ее боюсь. А что мы будем делать?

– Пойдете в парк играть на флейте.

Она переводит взгляд на окно – там сумрачный не то день, не то уже вечер...

...Мне открыла Лелечка, сияющая, в новом бордовом платье с кружевным воротничком, с седыми буколками, заколотыми рожками над ушами, и с восторгом прошептала:

– Он уже здесь!

Из гостиной слышался – о, чудо! – смех Аички и приятный мужской голос.

– Пошли, – тянет меня за руку Лелечка.

Высокий молодой человек, обаятельно улыбаясь, поднимается мне навстречу.

– Анечка? Неужели? – Он непринужденно целует меня в щеку. – Ты стала просто красавицей! Я прекрасно тебя помню!

Я впадаю в ступор! Кареглазый блондин, красавец, с широким разворотом плеч... куда там нашему олигарху! На учителя правописания он не похож, на банкира тоже. Скорее на альпиниста.

– Я тоже, – вру я довольно неубедительно. – У тебя еще была бабочка...

Он смеется. Смех у него заразительный.

– Я ее терпеть не мог! Все мама.

– За стол! – командует Аичка. – Аня, ты сюда. Николенька – рядом со мной!

Мы рассаживаемся. При чем Николенька дожидается, пока усядутся дамы, и только потом садится сам. Аичка выразительно смотрит на Лелечку, потом на меня.

– А вы кто? – спрашиваю я. Мне не терпится узнать, чем это чудо может заниматься.

– Я пилот.

Летчик-вертолетчик! Ха, кто бы сомневался! Жаль, без формы. Баська упадет!

– Командир корабля! – спешит Лелечка. – В «Эрбалтик»!

– Воздушный извозчик, – говорит Николенька шутовским тоном.

– А на чем вы летаете?
– Наша компания еще молодая, летаем в основном по Европе, на «Боингах-737».
– Жаль, Амалия не дожила, – сетует Аичка, покачивая головой. – Она бы гордилась тобой. – Взгляд в мою сторону, приподнятая выразительно бровь – правая.
– А ты, Анечка? – Он поворачивается ко мне.
– Я... иллюстратор, в «Арт нуво», это наше издательство.
– Рисуешь для книжек? Всегда завидовал художникам. Я пишу как курица лапой.
– Сейчас уже никто не пишет, все печатают, – вмешивается Аичка. – Ты, разумеется, выпьешь? Коньяк?

– Говорят, все летчики пьют, – ляпаю я.
– Еще как! Страшные алкоголики, – улыбается Николенька. – Помню, когда мы осваивали «Боинг» во Франкфурте – там был наша учебка, так сказать, – мы устроили конкурс, кто... извините, девушки, – он снова улыбается, – ...кто свалится первым. В итоге на ногах остался один поляк. Допил бутылку и пошел к себе в номер. А наутро мы нашли под дверью его туфли. Помню, хохот стоял на весь центр!

– Весело живете, – говорю я, бледно улыбаясь. Мне почему-то некомфортно, моя жизнь кажется мне пресной и невыразительной по сравнению с жизнью этого... европейского альпиниста. Кроме того, он – Биллер! Племянничек Белой крысы... Одно это вгоняет меня в ступор. Эх, жаль, нет Баськи – вот уж кто оторвался бы от души!

– Без веселья в нашей профессии нельзя, – отвечает он.
– Конечно, постоянная опасность, – подсказывает Лелечка с горящими глазками. – Нужно снимать стресс. Я, например, страшно боюсь летать!
– Я как-нибудь возьму вас с собой в Европу, – смеется Николенька.
– Ой! – радостно пищит Лелечка и заливается краской.
– А твоя семья? – спрашивает Аичка.
– Нет семьи, – он разводит руками. – Все времени не было.
«Ври больше, – думаю я, скользнув по нему скорым взглядом. – С такими-то данными...»
Аичка бросает на меня выразительный взгляд и дергает правой бровью: мотай на ус!
– А мама? – спрашивает она.
– Мама нет, уже семь лет.
– Как жаль, она была красавицей... Давайте за тех, кого нет с нами. За Эвочку! За Амалию!

Обед затянулся почти до семи. Николенька травил байки из быта летчиков, о коллегах и пассажирах, мы хохотали до слез. Я оттаяла, разжалась пружина внутри, я забыла о том, что он тоже Биллер. В нем не было ничего от Амалии. Лелечка смотрела на него влюбленными глазами. Его рука невзначай касалась моей...

«Знаем мы таких! – мысленно фыркала я, исключительно из духа противоречия, все еще сопротивляясь его обаянию. – Невеста в каждом порту!»

...Он пошел провожать меня. Я хотела вызвать такси, чтобы быстрее, но Николенька сказал, что нужно проветриться и он настаивает. Я старалась не думать о Баське и Венике, представляя, что она мне запоем! Тем более что мобильник я забыла дома. Честное слово, забыла! Совершенно случайно.

Вечер был отвратительный! С низких небес сеял мелкий дождь, пронзительный холод пробирал до костей, да еще и ветер с севера дул изо всей силы, толкая в спины одних и ослепляя других. Николенька рассекал, как ледокол, заслоняя меня от ветра. Говорить мы не могли – при такой погоде невозможно раскрыть рот. Он, правда, пытался что-то сказать, но я всякий раз кричала «что?», и он заткнулся наконец.

Мы попрощались у моего подъезда. Он сказал, что позвонит – ему хочется увидеть город, который так изменился за столь долгое его отсутствие. Завтра обещали хорошую погоду. Он снова поцеловал меня в щеку. От него приятно пахло.

Показать ему город – ах, начало прекрасных отношений! В нашем городе у него, видимо, еще никого не было. Знаем мы, проходили. Хотя откуда такой пессимизм? Героини Баськиных опусов, вылезшие из-под нашего коллективного пера, верят во все хорошее, идут по жизни с широко открытыми глазами, всем помогают и в конце концов получают по заслугам. Чем я хуже?

Баська распахнула дверь, не дожидаясь звонка – узнала меня по шагам. Глаза ее метали искры, ноздри раздувались. Руки она уперла в бока.

– Ну! – рявкнула она. – Где ты шлялась?

– Басенька, извини, – залебезила я. – Ты одна?

– Нет! У нас офигенная компашка. Недоделанный Владик, Веник с торбой и еще Ольгица приперлась! Я тут уже озверела! Весь вечер играем в подкидного дурака! И мне, как всегда, не везет!

– Баська, ты не поверишь! – воскликнула я с фальшивым энтузиазмом. – Этот Николенка Биллер – летчик, командир корабля, рост под два метра, красавец, чувство юмора, не женат!

– Ага, ври больше! Иди, принимай вахту. Пожрать хоть принесла?

В гостиной за журнальным столиком сидели Владик и Ольгица. Владик обрадованно пристал. Ольгица помахала ручкой. На столике лежали карты.

– Анечка, привет! А мы уже заждались, – сказала Ольгица. – Мой Волик в командировке, и я решила проветриться. А тебя все нет, не могла же я уйти.

Надеюсь, у меня на физиономии не изобразилось, что запросто могла.

– Чай? Кофе? – спросила я гостеприимно. – А где Веня?

– Смотрит про Лунтика, – сказал Владик. – В кухне. Мне кофе.

Короче, они просидели до полуночи. Я готовила чай, кофе, жарила омлет – словом, ублажала гостей, как могла, все время натываясь на радостную ухмылку Баськи. Ольгица, между прочим, подробно пересказала прочитанную накануне статью о новых взглядах на происхождение человека. Оказывается, человеки произошли не от обезьян, как считалось ранее, вернее, произошли не все, а примерно одна треть, просто так получилось, а от кого остальные – пока не известно.

Мы переглянулись, и Владик открыл рот, собираясь уточнить, видимо, про одну треть, но я пнула его ногой под столом и сделала страшные глаза. В отношениях с Ольгицей главное – не заикливаться на теме. Сказала себе и сказала, а ты молчи! А то не отвяжется до утра. Баська радостно хихикнула и закашлялась. Владик переводил удивленный взгляд с меня на Баську.

Потом Владик с заснувшим Веней ушли к себе, Ольгица вызвала такси и отбыла, а мы с Баськой остались одни. Баська вытащила из-за диванной подушки бутылку вина, расставила бокалы и скомандовала:

– Рассказывай!

Глава 7

Предчувствие радости

Мы просидели почти до четырех, допили вино, добавили наливки, обсудили со всех сторон Николеньку Биллера и жизнь вообще. Я ответила на сотню вопросов, на некоторые по десять раз. Баська заявила, что у нее профессиональный интерес и она уже видит сценарий о командире корабля и ничем не выдающейся личности, они случайно встретились... допустим, он окатил ее грязной водой...

– Чем? – изумилась я. – Грязной водой? Что значит – окатил? Выплеснул с балкона?

– При чем тут балкон! – завопила Баська. – У тебя неадекватное воображение! На машине, из лужи! Он проезжал мимо, а ты тормозила тачку, и он тебя окатил. Понятно?

– А потом он вернулся, а я стою и рыдаю? И с меня течет, да?

– Ну!

– И оказалось, что летчик, красавец, одинокий, с ребенком?

– Ну, примерно. Можно без ребенка. Роман со стюардессой. Она – шикарная и вся из себя, но хищница!

– А я не вся из себя, не хищница, а, наоборот, скромная мазилка, одинокая, мокрая, в старой кофте своей бабушки. Зато люблю животных, а у него собака, которую стюардесса терпеть не может.

– Ага. А что? По-моему, классно, и... правда жизни!

– Особенно правда жизни! Так и прет. И он нанимает меня присмотреть за собакой. Пока он в полетах. Потому что я безработная.

– Молодец! – радуется Баська. – Голова! Я бы не додумалась. Надо было затащить его сюда.

– Надо, – соглашаюсь я. – Я думала, ты давно спишь.

– Надеюсь, он позвонит утром?

Яжимаю плечами. Я не знаю, хочу ли я, чтобы Николенька позвонил. Какой-то он... декоративный и, главное, одинокий. Вранье! Да на него тучами летят! А с другой стороны, я что, замуж за него собираюсь? Мы же, можно сказать, друзья детства, какая мне разница, врет или не врет?

– У тебя есть его фотка? – перебивает мои мысли Баська.

– Откуда? – изумляюсь я.

– В детстве! Ну, где вы еще детьми.

– А-а-а... кажется, есть где-то. Искать надо. Там все равно ничего не видно – мальчик вроде Вени, с бабочкой. И мама-красавица.

– Жива?

– Сказал, умерла семь лет назад.

– И детей нет?

– Я не спрашивала.

– Познакомишь? – Баська, прищурясь, смотрит на меня. – Слабо?

– Запросто, – говорю я, хотя прекрасно помню, как в пятом классе она отбила у меня Петю Максименко, который таскал мой портфель, когда принесла в школу радиоуправляемую красную машинку. Вся мужская половина класса буквально выпала в осадок.

Опытная Баська кивает:

– Вечно одни и те же байки.

– Тебе не все равно? Байки вечно одни те же. Все одно и то же.

– Однако действует с убойной силой.

- Еще как!
- Красивый?
- Потрясающий!
- Жаль, без формы. Представляешь?
- Угу.

Я вздыхаю. Николенька Биллер залетел в наше декабрьское болото, как метеор, болид, космический корабль пришельцев! И, неча врать, произвел на всех нас: на Лелечку, на меня, даже на строгую Аичку! – неизгладимое впечатление. И придираюсь я не по делу, а исключительно для понта... типа, зелен виноград. Мол, и не надо. Не очень-то и хотелось.

– Наверное, и без формы ничего... – задумчиво говорит Баська. Наткнувшись на мой взгляд, добавляет: – В смысле, в цивильном костюме.

Я пожимаю плечами.

– У тебя заниженная самооценка, – разоблачает мои мысли Баська. – Подумаешь, командир корабля! Мы тоже девушки хоть куда. Сам с усам. Давай за нас!

– Подожди! – восклицаю я. – Знаю!

Я срываюсь и бегу в кабинет отца – комнату, полную книг по медицине, семейных альбомов и постеров на медицинские темы – учебных пособий. Снимаю с полки синий плюшевый альбом с серебряными застежками, подарок тети Аички. У нее такой же, только бордовый. В отличие от меня, она держит его на виду, на журнальном столике, и на нем нет пыли. Пролистываю весь, в самом конце натываюсь на небольшую любительскую черно-белую фотографию: мои родители, величественная тетя Ая, Лелечка с выпученными глазами, строгая Амалия, незнакомая красивая молодая женщина с локонами, рядом с ней – мальчик. И я сбоку: скривилась, растрепанная, воротничок перекошен. Несу альбом Баське.

– Вот! В бабочке!

Она восклицает разочарованно:

– Но он же здесь совсем маленький!

Я фыркаю:

– Это было тридцать лет назад!

Она наклоняется над фотографией, кажется, даже нюхает.

– Похож на хомяка, посмотри, какие щеки. И бабочка! Представляешь, он уже тогда носил бабочку. Ябеда!

– Ябеда?

– Ну, морда как у ябеды-отличника. Я уверена, учителя его просто обожали!

– Он сказал, что терпеть ее не мог, но мама заставляла. Аичка так и сказала: хороший немецкий мальчик.

– Он что, немец?

– Биллер? А кто он, по-твоему?

– Ну... мало ли!

– У них немецкие корни. Амалия – его тетка.

– Амалия? Твоя Белая крыса? – поразила Баська.

– Она тоже Биллер. Я тебе сто раз говорила!

– Ну... может, и говорила. А это что за чучело с краю?

Я молча отнимаю у нее альбом, захлопываю, сую под диванную подушку.

– Давай за любовь, – предлагает Баська. – Ты сейчас выглядишь намного лучше, честное слово!

Потом закончилась наливка, и мы пошли спать. Я – в спальню, Баська осталась на диване. Уснула я мгновенно, как провалилась. И мне приснился серебряный самолетик, который настырно звенел, танцуя в голубом сияющем небе.

Оказалось, звенел ни свет ни заря не самолетик, а телефон. Лелечка! Я услышала в трубке ее возбужденный шепот:

– Анечка! Это ты? Анечка, это такой мальчик! Такой мальчик! Чудо, а не мальчик! – Она даже застонала от восторга. – Он проводил тебя, вернулся и вымыл посуду и все время расспрашивал о тебе. Он не женат, представляешь? Был когда-то, но развелся, вернее, она его бросила, потому что он летал и его никогда не было дома. И с тех пор он один, бедняжка. А манеры! – Лелечка снова застонала. – Как он тебе? Даже Аичка... ты ведь знаешь, какая наша Аичка требовательная... даже она очарована! У нее такое настроение прямо с утра! Ходит, напевает. Он попросил твой телефончик, будет звонить. Он прекрасно помнит тебя, помнит, как ты разбила Аичкину любимую вазочку, хрустальную ладью, представляешь? Говорит, очень живая была девочка, Амалия много о ней рассказывала. (Я хмыкнула – представляю себе!) И вообще, он все время спрашивает о тебе, интересовался, замужем ты или нет, есть ли у тебя мальчик, и лицо у него при этом такое мечтательное и смущенное. Он говорит, что ты просто красавица, он даже не ожидал!

Я повернулась к большому зеркалу на стене прихожей. Оттуда на меня смотрела невыразительная сонная физиономия... Красавица? Шутите!

– И знаешь, Анечка, мне кажется, что он... что ты ему понравилась. Аичка говорит, тебе нужно... Ой! Аичка!

В трубке раздался начальственный голос Аички:

– Аня, доброе утро, надеюсь, ты уже встала. Николенька еще спит, и я взяла на себя смелость дать тебе пару советов. Ты меня слушаешь?

– Да, тетя Ая, слушаю, – смиренно произнесла я.

Тут в прихожей появилась Баська, босая, в короткой ночной сорочке. Бросила на меня вопросительный взгляд.

Я зажала рукой трубку и прошипела:

– Аичка!

– Ты, Аня, уже взрослый человек, и я понимаю, что не вправе давать тебе советы, но тем не менее... – торжественно начала Аичка, – тем не менее как мать хочу тебе сказать: спустись на землю! Не жди, пока на тебя свалится выигрыш в лотерее, действуй. Тебе нужна семья, дом, дети, наконец. Вы, молодые, думаете, что вы вечны, а время бежит, не успеешь оглянуться, как все в прошлом. – Она вздыхает. – Ты меня понимаешь, Аня?

– Понимаю, тетя Ая.

– Что? – прошипела Баська.

– Потом! – беззвучно ответила я, и Баська скорчила рожу и махнула рукой: кончай, мол! И удалилась в кухню.

– Я надеюсь, ты со мной согласна, Аня. Николенька замечательный мальчик, из хорошей семьи, ты обратила внимание, как он одет? Я бы на твоём месте пересмотрела свой гардероб, мне не нравится, как ты одета. Есть непреходящие ценности, не зависящие от моды, понимаешь? Он свободен, ты тоже. К счастью, твой глупый и недалёковидный брак давно позади, вы знакомы с детства, он – Биллер, его тетка Амалия, твоя гувернантка, была достойнейшим человеком и вполне могла быть твоей матерью. И я думаю, что ты и Николенька... Надеюсь, ты меня понимаешь? Он расспрашивал о тебе, мальчик заинтересовался. Он не из тех, у кого, как это говорят, в каждом аэропорту невеста. Он серьезен, у него прекрасная речь, у него устои, наконец – это чувствуется. Вы встречаетесь сегодня, и ты должна постараться, Аня, чтобы он...

– Где кофе? – Баська дернула меня за рукав пижамы.

– На средней полке в среднем шкафчике! – прошипела я, зажимая трубку ладонью.

– Нету! Я смотрела!

– Я только позавчера купила. Посмотри еще раз!

– Аня, ты что-то сказала? – строго спросила Аичка.

- Ничего там нету! – повысила голос Баська.
- Отстань! – Я отпихнула ее локтем. – Нет, тетя Ая, ничего. Я все поняла, спасибо.
- Ты должна пообещать мне, Аня, что ты и Николенька подружитесь. Не вздумай отпугнуть его, подумай о своем возрасте...
- Сколько можно болтать! – возмутилась Баська. – Скажи, что хочешь писать!
- Чего им надо? – спросила Баська, когда мы уже сидели в кухне и пили кофе. Баська сделала бутерброды.
- Ну, ты же их знаешь... – пробормотала я с набитым ртом.
- Сватают?
- Ну.
- А ты?
- А что я?
- Как он тебе?
- Не знаю. Никак... Слушай, не начинай, а? Как с цепи сорвались, честное слово!
- Знаешь, Анята, может, это твой шанс, – глубокомысленно сказала Баська. – Тот самый его величество случай... И семьи дружили, не с улицы чувак.
- Ага, случай, как в твоих сериалах. Скажи еще про биологические часы, которые тикают. И собака.
- Какая собака?
- Которую не любит стюардесса.
- А! К твоему сведению, в моих сценариях – правда жизни в концентрированном виде, это... одним словом, это алгоритм удачи. Или... или алгоритм Золушки! – выпалила она. – Недаром народ тащится!
- Алгоритм Золушки! – повторила я в восхищении. – Давай назовем так твой новый опус.
- Я тебя не понимаю, – высокомерно заявила Баська. – Ты что-то теряешь? У тебя что, есть любимый человек? Он тебе что, не нравится? Имеешь что-то против? Умри, но не давай? Не надоело – одна и одна? Когда тебе в последний раз дарили цветы? Тебе же тридцать четыре! Я бы на твоём месте пересмотрела взгляд на отношения с мужчинами. Какая-то ты... не знаю, как из позапрошлого века. Жить надо просто. Я понимаю, она тебя шпыняла, но когда это было? А ты до сих... перепуганная, как... деревенская лошадь. Перестань жевать сопли, переступи через свою Белую крысу и...
- Да отстаньте вы все! – завопила я. – Я видела его всего два раза в жизни! Причем в первый раз – тридцать лет назад! Я даже не помню, как он выглядит! Вы что, сговорились?
- Анята, в чем дело? – спросила она строго. – Я же вижу!
- Откуда я знаю! Он... Николенька этот... ну, не верю, понимаешь? Не верю! Не бывает так в жизни.
- Еще как бывает! – авторитетно заявила Баська.
- Ага, в твоих дурацких сериалах.
- А если он позвонит, ты... что? Откажешься?
- Откажусь. Скажу, голова болит.
- Ну и дура!
- Сама такая.
- Нет, я просто отказываюсь тебя понимать! – Она в досаде шлепнула рукой по столу. – Такая пруха! Ты что, боишься?
- Еще чего! Ты забыла, что Амалия – его тетка, если он такой же...
- Какая Амалия? При чем тут Амалия? Что за глупые отмазки?
- Слушай, отстань, дай кофе допить!
- Ну, и сиди, как дурак с немойшей шеей! – Она в сердцах оттолкнула свою чашку, чашка опрокинулась, и кофе разлился красивой лужей. – Такой шанс, и по нулям!

«...Амалия – святая», – сказала мама, а я подслушала. И намалевала ее с крыльями. На туалетной бумаге, сидя *там*. Странно, она себя сразу узнала. Посмотрела с интересом, сузила глаза. Держала в пальцах клочок и не знала, что с ним делать. Впервые в жизни. Тяжести на моей совести добавилось. До чего же вредное существо! Даром что в нежном возрасте.

Я думаю, она была девственницей. Я не представляю себе негодяя, который покусился бы! Посмел покуситься. Бы. Хотя ходили слухи, что она была замужем. Полгода, а потом он сбежал за пиццей. Сомневаюсь, если честно.

Ярлык-приговор, каинова печать, клеймо на моем узком лбу: неудачница. Инертная. Лузер. Обжалованию не подлежит. Пошла вон, пропусти достойных. Подвинься.

А также не позволять подолгу сидеть в туалете, психиатры говорят, вредно...

Не хочу! Ни Амалии, ни ее племянника!

Минут пять мы сидели в полной тишине – я допивала свой кофе, Баська елозила салфеткой по столу и наливала себе новую чашку. Потом она открыла рот, но сказать ничего не успела – зазвонил телефон. Баська вскрикнула и схватилась за сердце, и мы обе наперегонки рванули в прихожую.

Это был он! «Это он, это он, моего сердца чемпион!» – как пелось в каком-то старом фильме. Потрясающий мальчик с бабочкой, друг детства Николенька Биллер, племянник... Баська вырвала у меня трубку, приложила к уху и закатила глаза. Потом съехала по стене на пол и хлопнула ладошкой рядом с собой. Я, недолго думая, уселась рядом, прижалась ухом к трубке с другой стороны. Так мы слушали на пару мягкий журчащий голос неправдоподобного Николеньки Биллера.

– Анечка, доброе утро! Как ты? Я спал как убитый, и мне снилось, что мы снова дети... Мама жива, тетя Амалия, и все у нас впереди... Помнишь, ты обещала показать мне город? Погода сегодня летная, побродим по парку, посмотрим на реку... посидим где-нибудь. Согласна? Первую половину дня я с девочками, у них тут ряд работ по дому, а во второй... в тринадцать ноль-ноль я зайду за тобой. Успеешь? – Тут он рассмеялся, давая понять, что это шутка. – Сейчас одиннадцать пятнадцать. До встречи, Анечка!

И короткие сигналы отбоя. Мы переглянулись. Баська смотрела на меня сумасшедшими глазами.

– Какой мужик... – простонала она. – От одного голоса колпак рвет! А что ты наденешь?

За следующие полтора часа мы, пререкаясь, обшарили весь мой гардероб, потом я мерила одежды, а Баська, уютно усевшись на диване с очередной чашкой кофе, возмущалась, иронизировала, критиковала – словом, оттягивалась как могла.

– Ну, и куда ты в этом собралась? Ой, не могу! Прикид для богадельни! – Она демонически хохотала, закатывала глаза и делала вид, что падает в обморок. – А это что такое? Ты же художник! Где палитра? Не вижу палитры! Ты с ума сошла! Забудь! Вывеска на одном гвозде! Через мой труп! Позавчерашний день! Убери с моих глаз долой! Это – туда же! Ты не забывай, мать, что он европеец! Это тебе не местные приматы!

Наконец мне надоело, я плюнула и надела свою любимую юбку-клеш в черную и коричневую клетку и черный свитер – униформа, в которой я чувствую себя комфортно. Баська махнула рукой и сказала:

– Ну, тогда хоть шарф! Желтый! Макияж я тебе сделаю сама. И не забудь причесаться!

Ровно в тринадцать ноль-ноль тренькнул домофон...

Глава 8

Капитан Астахов

Капитана Астахова «дернули» около трех ночи. Ему снилось, что он едет на велосипеде через зеленый луг, залитый солнцем; какой-то маленький зверек перебегает дорогу, и он дергает язычок звонка; тот дребезжит как-то странно, звук складывается в знакомую мелодию, пыльная зелень лета вдруг начинает кукожиться, пропадает, вместо луговой тропинки перед Колей – крутой спуск в черный каменный карьер; велосипед трясется, Коля летит в тартарары; Колина голова грозит оторваться, велосипед все скачет по камням, лает собака, и кто-то зовет его отвратительным тонким визгливым голосом. И тут он проснулся.

Ирочка, гражданская жена Коли, стоя на коленях в кровати, трясла Колю и кричала:

– Коля! Подъем! Это Кузнецов! Говорит, срочно! Вставай!

Разбуженная любимая собака Коли, буль со сложным характером по кличке Клара, громко лаяла, выражая свое возмущение. Коля застонал...

До приезда машины он хоронился в подъезде. Черный джип с мигалкой не задержался и с визгом, от которого у Коли зазвенело в ушах, тормознул у подъезда. Он выскочил в сырую промозглую действительность, как в прорубь. Ночь была какая-то неубедительная, серая, сверху сеял ледяной дождь, а ветер... Коля задохнулся от бешеного порыва, и ему показалось, он раздет, наг и бос. Чертыхаясь, он нырнул в уютное нутро, где его уже ожидали товарищи по оружию. Дверь не успела захлопнуться, как джип взревел и рванул на всех парах со двора, вылетел на пустую дорогу и полетел на северо-запад в район Еловицы.

– Погодка... – в сердцах выдохнул Коля. – Всем привет.

– Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало, – сказал с юмором судмедэксперт Лисица, маленький, седенький, пребывавший неизменно в прекрасном расположении духа. От него пахло дорогим лосьоном и хорошим кофе.

– Ну? – спросил Коля.

– Похоже, наш Стрелок снова засветился. Кузнецов уже на точке, – доложил старлей Гена Колесниченко. – Он захватил Ашотика по дороге.

Ашотик Аверян был их бессменным фотографом.

– Откуда информация?

– Вроде сосед позвонил дежурному, у них дом на две семьи.

Машина свернула в проселок и тут же забуксовала. Шофер Михалыч забубнил себе под нос, поминая нечистую силу, и газанул. Джип с ревом выскочил из колдобины и понесся по темной улице, в конце которой болтался на ветру единственный фонарь.

– Здесь вроде. Приехали, – сказал Михалыч, тормозя так, что капитан Астахов приложился лбом о спинку переднего сиденья, что не добавило оптимизма в его мироощущения. – Дальше пехом, габариты не впишутся.

Уворачиваясь от пляшущих на ветру веток, они прошли по кирпичной дорожке в глубину сада, ориентируясь на светящиеся окна одноэтажного дома. Перед крыльцом угадывался призрачно-серый «Форд» начальника Коли, полковника Кузнецова. То, что полковник Кузнецов не стал ждать служебной машины, а приехал на собственной, говорило о серьезности происходящего.

Они прошли через освещенную веранду, коридор и вошли в «залу». Коля, с чувством дежавю и мурашками вдоль хребта, увидел работающий телевизор и немолодого мужчину, полулежащего в старом раздолбанном кресле. Аккуратное черное отверстие на виске, немного запекшейся крови... и все. Да, еще узловатые пальцы, вцепившиеся в подлокотники. Горели

переносные лампы, заливая сцену мертвенным белым светом; серьезный и нахмуренный фотограф Ашотик щелкал блицем. Он молча кивнул прибывшим. Коля повернулся к Кузнецову:

– Звонил сосед, говорит, курил на крыльце и увидел человека, который вышел от Ивана Ильича. Что-то показалось ему подозрительным, и он пошел проверить. Дверь была открыта, он вошел и увидел... – Кузнецов махнул рукой.

– Твою дивизию! – с чувством отреагировал Коля. – Он что, по ночам курит?

– Спроси сам, – Кузнецов кивнул на мужчину средних лет, жавшегося у двери. – Михаил Евменович, с вами сейчас поговорит капитан Астахов. Расскажите ему все, что вы говорили мне.

– Пойдемте, Михаил Евменович! – Коля увлек человека на веранду, где стояли стол и стулья и было холодно, как на псарне, – любимое выражение капитана. – Присаживайтесь. Как вы обнаружили убийство?

– Ну, я... это... не могу спать, – начал Михаил Евменович. – И отец не мог, тоже мучился. И курю я, все никак не брошу. Жена гоняет, так я хожу на крыльцо. Летом нормально, а сейчас стремно, хоть бы снег выпал, а то никаких сил нету, такая нудьга. Так за ночь раза два-три да и выйдешь. В первый раз выходил без десяти двенадцать, посмотрел на часы еще, у нас электронные, зеленые, светятся; стою на крыльце в тапочках, холод пробирает, и вижу – у соседа в комнате свет горит, а шторы задернуты. Ну, вроде так и надо, ничего особенного, но что-то зацепило. А потом, уже когда вернулся в дом, подумал: а чего это Иван Ильич вдруг задернул шторы? И свет горит? Он чуть не до утра смотрит телевизор, всякие передачи по науке ночью, а он учитель физики, всегда интересовался; он только летом на пенсию вышел, вдовец, жена умерла, уже четыре года будет; когда смотрит, света никогда не включает и шторы никогда не задергивает – тут у нас тихо, заглядывать некому. Вышел я опять минут через сорок и тут-то и заметил мужчину – идет со стороны Ивана Ильича через сад. Я окликнул, он не оглянулся, пошел быстрее и скрылся. Я еще постоял, а на сердце беспокойно, дай, думаю, зайду к соседу, проверю. Тем более свет горит и шторы задернуты. Дверь была незаперта, я подергал, она и открылась. Я покричал ему, он не ответил... и такой меня вдруг страх охватил, стою, к полу прирос и снова кричу, а тишина такая... только телевизор работает. И вдруг завyla собака... тут у соседей кобелек, Босик называется, и вдруг стал он выть. Я аж... не знаю! Перекрестился и вхожу... как в омут нырнул! И вижу, что Иван Ильич лежит в кресле и вроде как спит, я подошел и смотрю, а у него вот здесь кровь... – Михаил Евменович дотронулся до собственного виска. – И не дышит! Тут я сразу бросился вам звонить.

– Понятно. То есть вы увидели чужого человека... Во сколько?

– Ну, примерно в полпервого, когда выходил во второй раз. Я не заметил, сколько было...

– А шторы у соседа были задернуты около двенадцати... точнее, без десяти двенадцать. Так?

– Ну да, когда я выходил в первый раз, то увидел, что шторы задернуты, дождь как раз приутих... и я подошел к перилам и заметил.

– А какие-нибудь звуки?..

– Нет! Ничего такого... никаких звуков. У нас ничего не слышно, даже когда у соседа ночью работал телевизор, ничего не слышно. Стены толстые, старая постройка.

– Что за человек ваш сосед? – Коля намеренно не сказал «был».

– Иван Ильич... – мужчина вздохнул. – Хороший человек, всю жизнь проработал учителем физики, на пенсию вот вышел... самостоятельный, все сам – и постирать, и сготовить, и дрова поколоть. Мы зимой печь топим, газ, правда, есть, но дорого, а дров – деревьев старых полно, бери – не хочу. Не каждый день, а только в холода. Когда минус двадцать – двадцать пять, так и затопишь, похоже, вроде как камин. Вытопишь, и всю ночь тепло, лучше всяких батарей. Мы дружно жили, на праздники всегда его звали...

– Скажите, Михаил Евменович, может, было у него что-нибудь ценное? Ну, там коллекция марок, монет, может, украшения жены... или еще что-нибудь?

– Ну что вы! Они скромно жили, все книги да книги, а летом много ездили по стране, даже за границу. А как жена умерла, он не ездит, а с рюкзаком за реку на день, на два, да и ночует в поле или в лесу в спальном мешке, а осенью за грибами на машине – у него старенький «Москвич-402», уже никто и не помнит про такую модель. Он говорил, что купил лет тридцать назад, уже не новую, а ведь до сих пор бежит! Во качество когда-то давали! Стоит в сарае. Он говорил, «музейная реликвия», и еще... говорил, что пора старую реликвию поменять на новую.

– У него были деньги на новую машину?

– Нет вроде. Я еще подумал, шутит. Он всегда шутил, иногда и не поймешь, когда шутит, а когда нет.

– Вы часто бывали у него?

– Ну, как... заходил поговорить по-соседски... про политику и вообще.

– Когда вы вошли, вам ничего не бросилось в глаза? Беспорядок, вещь не на своем месте, может, недостает чего-нибудь?

– Нет, все как всегда. Иван Ильич был аккуратист, каждая вещь на своем месте, а в сарае вообще... любо-дорого посмотреть.

– Родные у него есть?

– Есть сын от первого брака, сейчас за границей, в Америке, лет десять уже не приезжал. Иван Ильич говорил, они по Интернету общаются. А больше вроде никого.

– Кто бывал у него?

– Его друг, тоже физик – Трембач фамилия, приходил на праздники, и они выпивали. Трембач вроде как пьющий. Иногда меня звали.

– А Иван Ильич пил?

– Нет, что вы! Он мужик правильный был. Ну, там на праздник рюмку-другую, а так – ни-ни.

...Коля вернулся в «залу». Кресло было пусто, тело Ивана Ильича уже увезли. Он прошелся вдоль книжных полок: «ЖЗЛ», «Большая советская энциклопедия»; «Мои воспоминания», «Жизнь науки», «Парадоксы роста» Капицы; «Математические начала натуральной философии» Ньютона; «Новый органон» Бэкона, с десятков учебников по физики. Из писателей – Чехов, «Очерки бурсы» Помяловского, Макаренко, Сковорода, Достоевский.

Скромная обстановка. Громадный старинный диван, письменный стол с плоским монитором компьютера, исписанные листки бумаги, серебряный стакан с ручками и карандашами, фотография молодого человека в серебряной рамке – видимо, сына. Над столом – набросок цветными чернилами или тушью в простой деревянной рамке, по виду очень старый. На стене напротив – школьные выпускные фотографии; в первом ряду, среди детей, – Иван Ильич...

Горка с потускневшим стеклом, пара вазочек, по виду – хрустальных; чайный сервиз еще советского производства.

В кухне идеальный порядок, равно как и в спальне. В ящиках письменного стола стопки квитанций, письма, документы. В тумбе – наполовину опустошенная бутылка коньяка.

– Если верить соседу, убийца провел в квартире убитого не менее сорока минут, – сказал Кузнецов. – Возникает вопрос: что он здесь делал? Следов обыска нет, все, кажется, на месте. Это уже третий подобный случай, Коля. И везде отсутствует видимый мотив. Выйди на сына, сообщи о смерти отца, спроси, не было ли в доме ценных вещей...

Глава 9

Чай втроем

Он поднялся, позвонил. Я открыла. Он вошел, с любопытством оглядываясь. Рослый красивый парень с замечательной улыбкой. Николенька Биллер, племянник Амалии...

Часы на площади пробили четыре раза, потом еще раз: тринадцать ноль-ноль. Точность как в аптеке.

– Это моя подруга Барбара, – представила я Баську.

– Очень приятно! – Баська покраснела, протянула ладошку лодочкой и присела в реверансе.

Николенька сказал восхищенно:

– Рад знакомству! – Взял Баськину руку и поцеловал. Баська завибрировала, я хмыкнула иронически.

– Предлагаю погулять, пока солнце, – сказал Николенька. – А потом что-нибудь придумаем. Согласны?

– Принимается, – вылезла Баська. – Неужели солнце?

– Погода летная, осадков не предвидится, – сказал Николенька, и Баська фальшиво захохотала. Интересно, она видит себя со стороны?

И мы пошли. Несмотря на иронический настрой, не могу не признать, что прогулка удалась. День разгорелся, и действительно выглянуло неуверенное плоское солнце, небо брызнуло бледной голубизной, ветер стих, и народ на улице повеселел.

Николенька травил цеховые байки, причем делал это артистически, в лицах. Хохотала не только Баська, но и я тоже. О том, как один пассажир попросил остановить двигатель, потому что он не мог уснуть из-за шума; как в аэропорту Хитроу специальные машины обливали самолет антифризом и пробили дыру в обшивке, принесли тысячу извинений, залатали и спросили: сколько? Командир корабля, имея слабые представления о ценах за ущерб – дело было сто лет назад, – брякнул: триста долларов! Местная обслуга выпала в осадок – по их подсчетам, выходило пару десятков тысяч. Его этими долларами до сих пор достают! Как один пассажир случайно попал в списки на питание по кошерному меню, и стюардесса требовала сказать, что ему принести, а он божился, что христианин, и показывал крестик, а она говорила, что ничего не знает, и они так пререкались минут десять, а народ был в восторге...

Мы свернули в парк, и Николенька вспомнил ностальгически, как приходил сюда с тетей Амалией. Парк был печален. Нагие деревья, тонкие и черные; бурые листья под ногами, рассеянный свет... Здесь сильнее, чем в городе, ощущалось преддверие зимы, каменная задумчивость природы перед долгими зимними сумерками. И хотя был уже декабрь, снега еще не было – казалось, тут все еще поздняя осень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.